

ВИКТОР
АНДРЕЕВ

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

ПОЕДИНОК

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Виктор Андреев

Незванный гость. Поединок

2026

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445

Андреев В. А.

Незванный гость. Поединок / В. А. Андреев — 2026 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-701-4

Перед две шпионских повести от классика жанра – замечательного советского писателя Виктора Андреева. В них – дыхание великой страны, которая борется за будущее с империалистами, с лучшими зарубежными разведками... Классическое противостояние времен холодной войны. Чтобы разоблачить шпиона, чекисту Мамбетову нужно проявить не только мужество, но и умение отрешиться от стереотипов... Приключения разворачиваются на колоритном среднеазиатском фоне. Враг изворотлив, он умеет путать следы, владеет искусством тайнописи. В повести «Поединок» следователь Иванов разоблачает изувера-сектанта, предавшего фашистам советских патриотов. Читайте классику советского шпионского жанра.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445

ISBN 978-5-00269-701-4

© Андреев В. А., 2026

Содержание

Незванный гость	6
На Джаман-Кум!	6
Измена?.	8
Как жить будешь, товарищ?	15
Для вас у меня нет должностей	18
Восхождение на вершину	22
«Только лично»	27
Любаша-Кыз	30
Смотри на мои пирамиды	36
Встречи и проводы	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андреев Виктор Андреевич
Незванный гость
Поединок

© ООО «Издательство Родина», 2026

Незванный гость

На Джаман-Кум!

Вот и знакомый, да что там знакомый – родной особняк! Узкие, как бойницы в старинной крепости, окна. Над дверью – макет земного шара в географической сетке. При одном взгляде на знакомую дверь, на вывески с большими золотыми буквами у Лугового словно прибавляется сил. Он вбегает на крыльцо, рывком распахивает дверь и оказывается в длинном, узком, полутемном коридоре.

В нем тесно, шумно, как всегда весною, когда укомплектовываются и выезжают на полевые работы экспедиции и партии: геологические, геодезические, топографические. Коридор заполнен людьми. Инженеры, техники, практиканты, рабочие, одни уже в спецовках и комбинезонах, другие еще в костюмах, стоят и разговаривают, проносятся в толпе, скрываются в кабинетах и выходят из них.

Возле стен навалены связки реек, штативов, мерных лент. Стоят ящики с предупреждающими надписями:

«Верх! Не кантовать!», «Астрономический инструмент»...

Луговой окунулся в сутолоку и сразу почувствовал, будто он и не выходил из нее, будто вовсе не лежал в больнице. И знакомые, которые попадались навстречу, здоровались с ним так, как будто видели вчера. И он не обижался: люди перестали ощущать бег времени. Это чувство было знакомо ему и дорого.

На пороге приемной Лугового встретила Глафира Петровна – секретарь главного инженера Славина.

– Борис Викторович, наконец-то! – воскликнула она и схватила за рукав Лугового, словно он намеревался повернуть обратно. – Ну разве можно так долго болеть! Все уже получили назначение...

– Михаил Васильевич один? – спросил Луговой.

– Только что закончилось совещание. Идите скорее, а то опять к нему нагрянут.

На протяжении тех десяти-пятнадцати шагов, которые она сделала с Луговым до дверей кабинета главного инженера, Глафира Петровна успела нашептать кучу советов.

– Проситесь на Каспий. Икорка там, рыбка. Вам после болезни полезно свежей, с молоками. В Балаково тоже не плохо. А в Казахстан – ни-ни! Жарища, пески, безводица... Да и Кузин там, выскочка...

Глафира Петровна открыла дверь и втокнула Лугового к Славину.

Главный инженер, Михаил Васильевич Славин, полный, румяный великан с серебристой головой, взглянул на Лугового поверх очков и засиял улыбкой.

– Выздоровел?.. Вот хорошо!

Он пожал руку, не вставая с широченного кресла, осведомился о самочувствии, настроении и перешел к делу.

– Ну, куда поедешь?.. Выбор еще есть. Так складывается обстановка, что люди нужны везде... Хочешь в Балаково? Там разворачивается строительство химкомбината, ГЭС. Работы, как знаешь, государственного значения... А? Может быть, на Каспий поедешь?..

«Так я и предполагал, – с холодком на сердце подумал Луговой. – Не то говорит...»

– Мне хотелось бы не туда, Михаил Васильевич. И я буду просить вас...

– Тогда за тобою слово.

Луговой решил сразу переступить страшный для него порог.

– Пошлите к Кузину.

Славин вскинул голову.

– Что за выбор? И после болезни. У Кузина тяжелый участок работы. Во всех отношениях. Я намеревался послать туда более опытного работника.

– Я справлюсь, Михаил Васильевич...

– Там нужно не только справиться, но и... Видишь ли, самому Кузину нужна помощь. Санкевич у него больной человек, боюсь, не выдержит, ляжет... Туда должна поехать Людмила Иннокентьевна, жена Кузина. Но она еще не приняла решения: дети... Да что тебя туда тянет? Ты можешь мне сказать?..

Славин имел основания задать этот вопрос. Он знал Лугового с первого курса института, как одного из способных студентов, а потом – как исполнительного и трудолюбивого инженера. Луговой был учеником Славина, и тот мог надеяться на правдивый ответ, но Луговой, опустив голову, молчал.

– Странно, у тебя завелись тайны... – удивленно начал Славин и не договорил: дверь распахнулась, и в кабинет влетела Кузина, небольшая блондинка, похожая на шуструю девчонку.

– Не помешала? – спросила она, подходя к столу и садясь напротив Лугового.

– Наоборот, очень кстати, – обрадованно отозвался Михаил Васильевич.

Кузина, взглянув на Лугового, расхохоталась:

– Кто не получил назначения, всегда кстати. Но я должна огорчить вас, Михаил Васильевич. К мужу я не еду. И это – окончательно. Не могу же я оставить моих сорванцов на больную старуху. Итак, остается Балаково.

– Но что скажет Кузин! – воскликнул Славин. – Он уже дал мне две телеграммы...

– Отнесите их за его счет... – Кузина вдруг нахмурилась. – Мужу я, конечно, напишу и объяснюсь. Но часть греха придется взять вам на себя, Михаил Васильевич. Зная слабую струнку в характере мужа, вы сыграли как раз на ней.

– Что вы имеете в виду?

– Я думаю, об этом говорить излишне...

– Не мог же я назначить начальником Санкевича!

– А почему бы и нет?.. Он же опытнее!

– Кроме опыта, Людмила Иннокентьевна, есть другие вещи... Нельзя выезжать только на стариках. Надо же и молодых продвигать.

– Достойных.

– Не будем так беспощадны к себе. Кузин не на плохом счету.

– Но принять такую экспедицию!.. Впрочем, все ясно. Балаково, Михаил Васильевич!

Луговой слушал этот разговор молча. Прямота Кузиной ему нравилась. И удивляла. Ведь речь шла о ее муже!

– Значит, в Балаково? – переспросил Славин.

– Да. Дети, Михаил Васильевич... Я беру их с собою.

– И на Джаман-Кум? – Славин перевел взгляд на Лугового.

– Товарища Лугового вы тоже с кем-то разъединяете? – улыбнулась Кузина.

Славин рассмеялся.

– Нет. Его, кажется, соединяю.

Пока Славин писал записки в отдел кадров, Луговой, подойдя к карте, нашел район работы экспедиции Кузина. Проект проходил по пескам с названиями, сразу насторожившими Лугового: Джаман-Кум, Айгар-Кум, Кызыл-Кум... Пески, пески... В таких местах Луговому еще не приходилось работать.

Измена?.

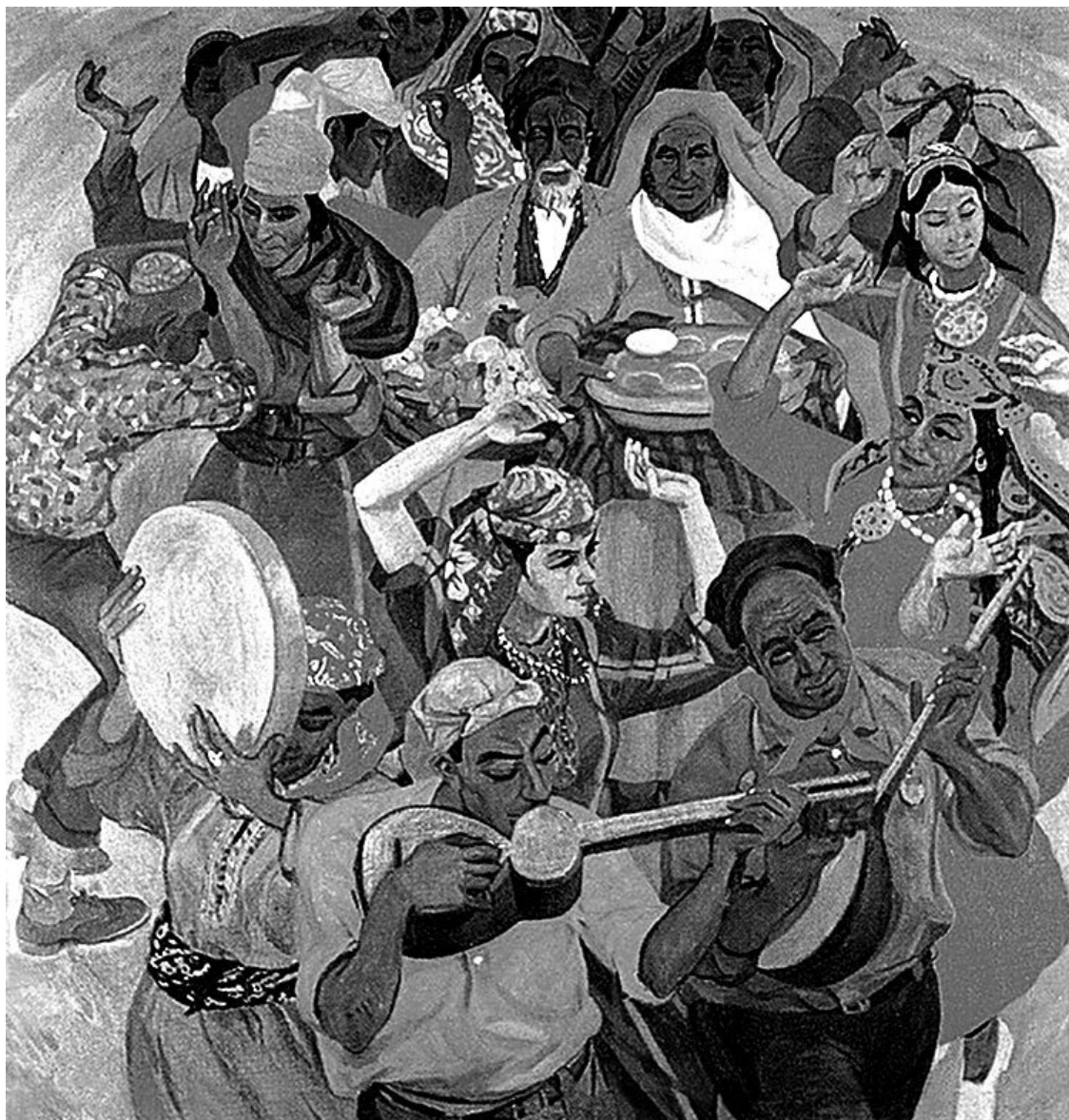
Нина Меденцева не написала Луговому ни с дороги, ни из поселка Жаксы-Тау: у нее просто не было свободной минуты. Она ехала на самый дальний участок и должна была создать отряд на месте, в совхозе.

Кутерьма и неразбериха, стоявшие на базе возле палаток, подталкивали и Меденцеву скорее уехать из поселка, обрести самостоятельность и начать очередное кочевое лето. Сколько их будет в жизни, удастся ли ей разбить свою юрту надолго и когда, – она не знала, хотя и задумывалась над этим, особенно в последнее время, когда начинала серьезно думать о замужестве. Луговой ее любил беззаветно, она решила ехать с ним на Каспий, где уже который год шли комплексные работы, но перед самым назначением Луговой, выкупавшись в холодной реке, заболел. Его положили в больницу, а она уступила настоянию главного инженера Славина и уехала с экспедицией Кузина. Меденцева не знала, как она поступила, – хорошо или плохо, но чувствовала себя перед Луговым виноватой...

Кузин наскоро проинструктировал ее, вместе выверил универсал. Вручая письмо в совхоз с просьбой выделить подательнице сего, инженеру Меденцевой, транспорт и рабочих, вдруг с какой-то внутренней, глубокой тоской взглянул в ее притягивающие глаза.

«Да-а. Кому-то достанется», – подумал он с мужской грубоватостью и удивился, почему ему не пришла в голову мысль оставить такую красавицу ближе к поселку.

– Ну, счастливо, Нина Михайловна, – вместо этого сказал он и мотнул своей небольшой головой, похожей на птичью.

«Будто клюнул», – подумала Меденцева и про себя улыбнулась.

– Машину не задержите, пожалуйста...

Когда Меденцева пошла от него к машине, Кузин окликнул ее еще раз.

– Нина Михайловна, я совсем забыл... Через час у нас беседа о бдительности. Я обещал уполномоченному Мамбетову собрать весь инженерно-технический состав. Может быть, вы задержитесь?

Меденцева взглянула на Кузина удивленно. Неужели он надеялся, что она останется? Или это был только предлог для того, чтобы еще раз заглянуть ей в глаза?

– Я прослушаю эту беседу в совхозе. Думаю, что ваш Мамбетов и туда приедет поднимать бдительность. – Меденцева колюче прищурила глаза. – До свидания...

Вместе с шофером, парнем с нагловато выпученными глазами, она погрузила полученное со склада оборудование в кузов, забросила туда же свой чемодан, постель и, сев в кабину, сказала тоном старшего:

– Поехали.

Как только выбрались из поселка, как только остались позади клубы мелкой, едко-горьковатой уличной пыли, Меденцева облегченно вздохнула. Ей было не по себе от суеты на базе, от слишком откровенного взгляда Кузина.

Машина мчалась не по высокому грейдеру, где еще торчали вывороченные колесами грузовиков застывшие пласты весенней грязи, а по боковой дорожке, бегущей по затравевшей степи, еще не разбитой и мягкой.

– Вот я как тебя, с ветерком! – похвалился шофер, нажимая на газ. Он уже несколько раз пытался завязать разговор с Меденцевой, косил на нее по-рыбьи выпученные глаза.

– Вы на дорогу смотрите, а то как бы... – проговорила сердито Меденцева, не поворачивая к нему головы.

– С такой, как ты, немудрено! – с откровенной простотой тут же отозвался шофер. – На какой только закваске замесили тебя!

– На такой же, как и тебя.

– А вот не получился. Ты вот скажи мне, инженер, хорошо тебе, красивой такой?

Меденцева рассмеялась, и вся беспричинная неприязнь к шоферу пропала.

– Я не думала над этим... и не знаю...

– Ну, это ты брось! Вот я, например, знаю, каков, и переживаю. На все прочее не обижаюсь, а вот лицом бог обидел. Девки меня не любят, знаешь.

– Какой-нибудь приглянешься.

– Это что! Так и не выберешь.

– Разве надо выбирать? – будто удивилась Меденцева.

– Как же! Если, скажем, шалава попадется, то зачем такая. С такой, на худой конец, только посидеть в обнимку.

– Зачем же... – смутилась Меденцева. – Нужно культурно.

– Какой же интерес! Будто ты не сидела. Да что ты, не живая, что ли?.. Вон, смотри, Виднов ваш таскает Вальку Шелк в степь. Думаешь, они там только на звезды глядят? Как бы не так!..

Меденцева снова вспыхнула и отвернулась. Она не хотела думать ни о Виднове, ни о Шелке. Мимо нее неслась степь: у самой машины быстро-быстро, а дальше все медленнее и будто по кругу. Горячий ветер упруго бил в лицо, врвался за кофточку. От мотора несло жаром и запахом бензина.

– Здесь всегда так жарко? – спросила она и уже не слушала того, что отвечал шофер. Вспомнился вдруг Луговой с его бережно-целомудренным отношением к ней. Но Меденцевой всегда казалось, что в их отношениях чего-то не хватает для нее. И это что-то всегда было смутным, неопределенным, а сейчас вот шофер подвел ее к нему, и оно обрело ясность. «Да что ты, не живая?..» Луговой всегда был застенчив и скромн, этот силач. Да, она живая и полна по-земному грешных мыслей, но стыдится их и не может высказать так просто, как шофер...

В совхоз приехали во второй половине дня. Шофер сгрузил багаж Меденцевой на травку поленок возле крыльца конторы и попрощался:

– Бывай, глазастая!..

Он смело пожал белую, холеную руку Меденцевой так, что она вынуждена была приложить силу, чтобы не дать раздавить себе пальцы.

– Вот так, больше жизни! А то – «культурно»!.. – передразнил он.

– Прощайте, – ответила Меденцева без обиды и легко взбежала по ступенькам на крыльцо, не дожидаясь, пока отвалит машина. Взбежала и сразу забыла про шофера, будто и не ехала с ним вовсе. Она вообще очень легко расставалась с людьми.

– Скажите, как пройти к директору? – спросила она мужчину, быстро шагавшего навстречу ей по коридору.

Он остановился, быстро окинул ее взглядом.

– Я директор совхоза. Мой кабинет дальше. Минут через двадцать я вернусь. Вы можете подождать?

– Конечно.

– Тогда, пожалуйста.

Он пошел дальше, к выходу. В окно Меденцева увидела, как он остановился на крыльце, посмотрел на ее багаж, потом сел в подошедшую машину и уехал.

То, что она застала директора, было удачей. Ведь он мог находиться где-либо в степи, и тогда ей пришлось бы ждать долго. Меденцева медленно пошла по коридору и скоро увидела на двери табличку «директор». Но в кабинет не вошла, а вернулась к своим вещам и села на ящик с теодолитом.

Контора совхоза стояла на краю поселка. От нее не был виден порядок домов на главной улице, куда свернула директорская машина, но по новым крышам, блестящим на солнце, по белым кирпичным корпусам домов Меденцева заключила, что поселок не так давно отстроился заново.

Одним концом улица подходила к саду. Из-за домов выступала стена тополей, между ними белели стволы берез – совсем уж диковинных для степи.

Веяло сухим, горячим ветром.

Мимо Меденцевой проходили люди, одни в контору, другие из нее. Многие кланялись ей, как знакомой.

Двадцать минут, наверное, прошло, а директор еще не показывался.

«Письмо написать Борису, что ли...» – подумала она. Блокнот и карандаш были с нею, в сумке. Еще раз взглянув в сторону, откуда, по ее мнению, должен был появиться директор, она принялась за письмо.

«Дорогой Борис! Я уже на месте... Сейчас сижу на солнцепеке возле конторы совхоза и жду директора. Не знаю, будет ли он покладистым, чтобы выделить мне транспорт, рабочих. Ты ведь знаешь, как этого всегда трудно добиться. А подкрепление – всего-навсего жалкая бумажонка от Кузина. Это наш начальник экспедиции, ты его должен знать. Он похож на индюка, у него длинная шея и небольшая голова с загнутым носом. Какую ерунду пишу!..

Я должна сказать тебе самое главное: хочу видеть тебя. Не прощаю себе того, что не могла прорваться к тебе в палату, когда приходила в больницу. Правда, было уже поздно. А отъезд назначили так неожиданно. Самое большее, что я могла сделать, – это оставить записку. Передали ли ее тебе? Если нет, то я не знаю, как оправдаться перед тобой. Но ты простишь меня, конечно! Надеюсь, что мы скоро встретимся здесь, где-либо на Джаман-Куме. Это так называют здесь пески. Правда, мне не придется работать на этом урочище, я буду кочевать севернее. Проси Славина понастойчивее, он человек хороший, поймет тебя и направит сюда. Пусть мы будем не так близко друг от друга, но все же сможем видеться хотя бы раз в две недели. Я верю, что ты скоро приедешь. Я жду тебя, милый Борис...»

Меденцева услышала возле себя шаги и поспешила захлопнуть блокнот. К ней подошла полная, гладко причесанная женщина.

– Вы, кажется, к директору? – спросила она.

Меденцева встала, поздоровалась.

– Дмитрий Степанович задержится. Просил вас подождать еще с полчаса. Может быть, вы пройдете? Вам там удобнее будет писать... А то что же так, на солнце...

В приемной директора женщина пригласила Меденцеву присесть и сама прошла за свой столик с бумагами.

– У Дмитрия Степановича, знаете, дочурка больна, Светка... Ему врач позвонил. Будто пищевое отравление... Известно, без материнского глаза. А со старухи какой спрос...

Женщина говорила так, будто и Меденцева была в курсе всех событий в семье директора, как все в совхозе.

– А вы к нам по какому делу?

Меденцева сказала.

– Этот канал вскружил всем голову. Только и разговоров, что про воду. Правда, что в этом году начнут рыть?

– Осенью. А мы будем готовить основу для оросительной сети совхозов. Еще приедут геологи, буровики...

Полчаса пролетели в разговоре незаметно. Несколько раз открывалась дверь. Меденцевой все казалось: директор! Но заходили другие люди, и все они спрашивали Дубкова. Наконец, появился и он, среднего роста, широкий в плечах, с бронзовым от загара лицом.

Дубков обратился не к Меденцевой, как она ждала, а к секретарю:

– Дарья Филипповна, очень прошу вас: навестите вечером Светку. Я сейчас уезжаю на третье отделение. Вернусь к утру...

Дубков перевел взгляд на Меденцеву и жестом показал на дверь в свой кабинет.

В кабинете Меденцева предъявила свое удостоверение, письмо Кузина. Читая, Дубков нахмурил брови.

– Собственно, вы будете работать не только на землях нашего совхоза, – вдруг сказал он.

«Ну вот, начинается», – подумала Меденцева.

– Да, но мой ряд – основной. К нему привязываются...

Меденцева не договорила. Дубков повел черноватой бровью, как показалось ей, недовольно.

– Кто еще приедет?

– Инженер Виднов. Он передаст отметки на триангуляционные пункты. Знаете, это вышки такие на буграх. Мы определяем координаты их. Кроме того, Виднов поставит репера... Видели когда-нибудь выступающие из земли трубы или рельсы? Вот на верхнюю часть их и передаются высоты – отметки над уровнем моря. Без этой работы нельзя...

– Благодарю вас за консультацию, – перебил ее Дубков.

Меденцева подумала, что она, пожалуй, совсем ненужно разъясняет директору азбучные истины, ждала, что он снисходительно улыбнется, но Дубков оставался серьезен.

– А этот Виднов тоже приедет ко мне с таким же предписанием? – Дубков приподнял со стола письмо Кузина.

– Нет... Он будет комплектовать отряд в Жаксы-Тау.

Дубков вздохнул с облегчением и уже ласковее взглянул на Меденцеву.

– Если бы вы знали, Нина Михайловна, как нам нужна вода!.. Конечно, канал сразу не соорудишь... Мне вот хотя бы на Джаман-Куме колодцев нарыть. Ведь раньше там табуны паслись, на лиманах неплохие худуки были... Скорее это дело проворачивать нужно, а вы...

Да, к сожалению, ее работа далека от худуков.

– Вам откуда будет удобнее получить транспорт: с первого отделения или... Вы где намерены жить?

Дубков отодвинул от себя бумаги и взглянул на Меденцеву, теперь прямо в глаза. Она ждала увидеть на его лице отражение того впечатления, которое она должна была произвести своей внешностью. Что там говорить, она привыкла к тому, что мужчины не скрывали своего восхищения ею. Но лицо Дубкова оставалось непроницаемым. Оно ничего не выдавало, кроме служебного внимания к ней.

– Мне лучше было бы жить на центральной усадьбе. Так считает и Кузин, мой начальник.

– Ну что же, послушаемся Кузина...

Дубков позвал секретаря и попросил:

– Пригласите ко мне Бектемирова и Галкина.

Дарья Филипповна предупредила:

– К вам много...

– Пусть заходят, все.

В кабинет ввалилось человек десять. Начался тот разговор, который могут вести люди, хорошо и давно знающие друг друга и то дело, которое они ведут. Дубков с одними соглашался, других просил еще раз подумать, проверить, выслушивал просьбы, удовлетворял или отклонял их. В общении с людьми он показался Меденцевой интереснее и умнее, чем в разговоре с ней. Споря, он словно вспыхивал внутренним теплом и светом, который чувствовался в его сероватых глазах, в чуть обозначающей улыбке, в жесте. В Дубкове поражала необыкновенная гармония, которая редко встречалась в других. Меденцева невольно вообразила на месте этого человека Лугового, постаралась его представить в разговоре с этими людьми, но не смогла: Луговой не получался.

Вошли еще два человека, те самые, которых пригласил Дубков, – его заместитель Бектемиров и главбух Галкин. Дубков подсунил им бумаги Меденцевой и показал на нее черноватой бровью:

– Сделайте, пожалуйста, все, что нас просят... Инженер Меденцева вас введет в курс дела. Заключите договор, как положено, но предупреждаю, – Дубков перевел взгляд на Меденцеву, – по максимальным ставкам. И определите Нину Михайловну на жительство...

Вечером Меденцева сидела за столом в отведенной ей квартире в совхозе и дописывала письмо Луговому. В доме было тихо. Только слышалось, как за дверью, на кухне, хозяйка тетя Паша гремела посудой, да на стенке тикали ходики.

«Милый Борис! Продолжаю письмо... – писала Меденцева неторопливым, твердым почерком. – Меня уже „определили на жительство“, как сказал Дубков. Это директор совхоза, человек очень симпатичный. Вообще здесь хорошие люди. Особенно Бектемиров, заместитель Дубкова. Он сказал, что выделит мне не верблюдов, а шайтанов. Он и меня назвал шайтаном. Наверное, это у него любимое слово. Я поселилась у тети Паши в крохотной комнатухе с двумя оконцами. Одно – на улицу, другое – во двор. Спать буду на высокой, под потолок, кровати. Как на троне. Прямо смешно. Впрочем, в совхозе мне придется бывать редко, даже не каждый выходной...»

Другой мир входил в душу Меденцевой. Она готова была еще и еще писать о своих первых впечатлениях, о тете Паше, какая она смешная в своей заботе о ней, квартирантке, о заболевшей дочурке Дубкова – Светке, о крынке молока из погреба, от которого она почувствовала холод в желудке. Вот еще тетя Паша рассказала, как три года назад жеребец «Казбек» убил жену директора. Она работала зоотехником. Конюх не справился с лошадей. Она взвилась на дыбы и подковой ударила в висок Дубкову. Будто и задела чуть, а женщина не встала. Дубков тяжело перенес смерть жены и оставался ей верен, а ведь многие женщины заглядывались на него. Но разве это напишешь Луговому? Все это для него было неинтересным, чужим, а вот она уже начинала жить этой новью.

Меденцева еще долго сидела над письмом, глядя в окно на улицу, по которой проносились машины, торопливо шли люди. Из задумчивости ее вывела Дарья Филипповна.

– Как устроились? – спросила она.

– Спасибо. Я так благодарна...

– Тетя Паша у нас первая чистюля и душевная женщина. Вам хорошо у нее будет.

Дарья Филипповна помолчала и вдруг сказала:

– Нина Михайловна, а ведь я к вам за помощью.

– Что такое?

– Да Светка вот... Хочу, говорит, чтоб новая тетя пришла – и все. Не успокоим никак, ничего в рот не берет... она едва Дмитрия Степановича отпустила. Старуха говорит, что он только и отговорился тем, что вы его ждали. А девчонке это в голову запало. Дойдите на

минутку, может она из ваших рук бульон выпьет. Целый день не ест... Не далеко здесь, за углом. А Дмитрия Степановича нет...

Меденцева растерялась.

– Не знаю, удобно ли...

– К больному ребенку-то?..

Дубков вернулся домой на рассвете. Стараясь не греметь запорами и как можно тише шагать, он сразу направился в комнатку Светки, но кровать ее была пуста. Он бросился в гостиную и... замер на пороге. На диване, к стенке лежала его Светка и улыбалась во сне. Рядом с нею, на краешке дивана и подставленных стульях – Меденцева. Светкина ручонка охватила ее шею, будто притягивая к себе.

Дубков постоял минуту, вздохнул и бесшумно вышел из дома. С болезненной складкой у губ он пошел улицей, в сторону совхозного сада, чтобы там, на копне душистого сена, уснуть хотя бы на час.

Но забыться удалось не сразу. Вокруг уже пробуждалась жизнь. Над головой, в ветвях яблонь, сновали птицы, в сторожке раз за разом прокричал петух, на улице гремели ведрами бабы. Сквозь ветки в глаза Дубкову смотрело молодое, подрумяненное близким восходом небо. Он всей грудью вдохнул пахнувший яблонями воздух и улыбнулся небу так, как будто и к его предрассветной красе были приложены его директорские руки, будто и само небо было неотъемлемой частью совхоза.

Он снова улыбнулся, но уже по-другому, поймав себя на собственническом чувстве, и закрыл глаза, чтобы уже не отвлекаться и продумать наедине, как помочь третьему отделению быстрее закончить строительство новой фермы. С этой мыслью он незаметно заснул, а вскочил с первым ударом в рельсу – сигнал начала рабочего дня. Вскочил и испугался: он проспал три часа!

«Как они там?» – подумал он о матери, Светке и Меденцевой сразу, будто они были одно нераздельное целое.

Но Меденцева в это время уже вернулась к себе. Она сидела у стола, помешивала ложечкой крепкий чай и читала свое недописанное письмо, за которое принималась дважды. Можно было еще написать Борису, что она ночевала в доме директора, возле больной Светки. Но она почувствовала, что не может написать этого, будто здесь было что-то обидное для Бориса и для нее самой. Рассердившись на себя, она вдруг схватила письмо и разорвала.

Как жить будешь, товарищ?

Поезд начал замедлять ход, затормозил и остановился. Луговой выглянул в одно окно, в другое – никаких признаков станции не было.

– Перед семафором, что ли? – спросил он проводницу, бегущую к двери.

– Станция! Жаксы-Тау! – прокричала она на ходу. – Я же предупреждала: сходить вам!

Три минуты стоит...

Луговой схватил приготовленный багаж и скоро уже стоял на насыпи, дожидаясь пока прокатятся мимо вагоны. Он думал, что станция по другую сторону полотна, но когда миновал последний вагон, то и там ничего не увидел. Тот же простор, теперь открывшийся во все стороны. Впереди он различил две небольшие землянки, похожие на плащия положенные кирпичи, да крохотный вагон возле пути. И все. Ни одного деревца, ни одного куста до самого горизонта, только крохотные фонтанчики ковыля над голубоватой полынью да вдоль дороги телефонные столбы, будто воткнутые спички. Здесь все представлялось в уменьшенных размерах, наверно, оттого, что было далеко-далеко видно. Было утро, не больше шести. На востоке небо уже утратило синеву и глядело на степь ярко-белым солнцем. От жаворонков звенело в ушах. Дышалось легко, вкусно. Степь!.. Вот ты какая!..

И из-за землянок вынырнула грузовая машина и покатила по дороге вдоль телефонных столбов.

«Не в Жаксы-Тау ли?» – подумал Луговой.

Ему стало досадно, что он промешкал и опоздал к машине. Машина отошла от вагончика. И в ней сидят пассажиры, сошедшие с поезда.

Опираясь на кабину, лицом вперед стоит девушка. Встречный ветер треплет ее косынку. Наверное, в Жаксы-Тау...

Луговой взял за спину универсал, в руки чемодан и сверток с постелью – традиционный багаж полевика – и направился к вагончику.

Дежурный по станции выслушал его удивленно.

– Конечно, в Жаксы-Тау! Но где вы задержались?

Луговой сказал, что он впервые в степи и... Словом, ему нужно как-то добраться до базы экспедиции.

– Ну что же, – сочувственно проговорил дежурный. – Попробуем попросить Сисекенова. Сегодня он на верблюде, но, может быть, возьмет вас. Пойдемте.

Завернули за угол землянки и увидели старика казаха, запрягающего в телегу верблюда. Уговаривать его пришлось долго. Стоял на своем: не положено ему возить пассажиров! Да и взять некуда: в телеге мешки с почтой, посылки... Наконец, сдался. Сверкнул коричневыми белками в сторону Лугового и махнул рукой:

– Клади багаж, товарищ...

Скоро тронулись. Луговой сидел на ящике с универсалом и возвышался над телегой, как памятник. Даже самому смешно стало. Старик сидел впереди, подвернув под себя ноги. Он дергал вожжами, взмахивал кнутом, но верблюд вышагивал важно и грациозно, как генерал на параде.

Потеряв надежду, что верблюд побежит, Луговой спросил:

– Долго проедем, отец?

– Зачем долго! Чай пить дома будем...

Луговой взглянул на часы: семь скоро. О каком чае говорил старик, о вечернем, что ли, Луговой не знал, но переспросить не решался. Чтобы не молчать, спросил:

– Вы всегда за почтой на верблюде ездите?

– Зачем всегда? Машина на ремонт встал... Ну что ж! На верблюд тоже не плоха, а? Хорошо-о! Закурим, товарищ?

– Я не курю, отец, – ответил Луговой, сожалея, что не взял на всякий случай пачку папирос.

– Не куришь? Может быть, и водку не пьешь?

– И водку не пью.

– И девчат не любишь? А?.. Что молчишь? Не любишь?.. Зачем тогда жить, товарищ?.. Или любишь? Может быть, уже есть невеста?.. Не Меденцева ли?..

– Вы ее знаете?

– Ох-хо! Я всех знаю. Меденцева самый красивый девчат у вас. Вот и назвал. И угадал. Так?.. Только ты не застанешь ее в поселке. Давно уехала.

– Куда?

– В совхоз. Там жить будет, там работать будет... Вот так! Просила меня: будут письма – пересылать... А писем не было.

Разговор оборвался. Старик начал возиться с кисетом, что-то шептал про себя, будто уже продолжал разговор сам с собою. Потом затаился, закрыл глаза. И закаменел. Верблюд пошел еще тише и еще важнее, теперь он будто плыл, и по горизонту совсем недалеко тоже что-то плыло, серое, похожее на воду.

Старик вдруг вскрикнул и, запрокинув голову, начал петь. Луговому стало не по себе. Ему казалось, что голос почтальона вот-вот сорвется или сфальшивит, не выдержав напряжения, которого требовал мотив. Но песня набирала силы, будто поднимаясь на крыльях, парила уверенно и красиво, как гордая птица беркут. Слов песни Луговой не разбирал, да и были ли они? Неловкость и боязнь прошли, и теперь он слушал старика с восхищением. В песне уже появились новые, грустные ноты, голос старика слабел. И Луговому показалось, что орел свернул крылья, несется камнем к земле. Песня окончилась на новом взлете. Нет, птица не разбилась о землю, она вновь взмахнула широкими крыльями и поднялась ввысь, к небу и солнцу.

– О чем пел, отец? – спросил Луговой. – О чем твоя песнь?

Не оборачиваясь к Луговому, старик качал головой.

– О чем?.. Как сказать!.. Был Сабур, красивый и сильный. Все девушки аула засматривались на него, а он видел только одну – Алиму. Во всех аулах не было краше невесты. И она любила Сабура – чабана. Узнал старый бай про их любовь – и ударил гром. Какой такой жених без калыма? Он даже пасти овец не умеет. Половину отары волки перетаскали! Гнать такого в шею! И прогнали Сабура прочь. А бай взял себе Алиму восьмой женой... Вот о чем была песня, товарищ.

– Ну, а что же Сабур? – спросил Луговой, не видя конца в этой истории.

– Сабур? – Старик нахмурился. – Он поет о своей Алиме, чтоб не забывала степь и люди...

– Кто сочинил такую песнь?

Старик рассердился.

– Никто не сочинил! Сердце само поет, товарищ!.. Почему ничего не знаешь?

Они опять замолчали надолго. Впереди что-то поднялось над горизонтом, бесформенное и зыбкое. Луговой решился спросить, что это.

– Жаксы-Тау.

И вдруг в стороне Луговой увидел кипарисы, такие, как в Сочи, и возле них озеро, и на берегу дома.

– А это поселок, отец? – спросил Луговой.

Старик вздрогнул и недовольно ответил:

– Ничего нет. Жара аул делает. Зачем веришь, товарищ? Нельзя сам себя обманывать. – Старик помолчал и сердито посмотрел на Лугового из-за плеча. – Как жить будешь, товарищ?

Кипарисы, озеро, дома – весь мираж, сотканный полуденной жарой, растаял, и на месте его по-прежнему текло густое, зыбкое марево.

Для вас у меня нет должностей

Начальник экспедиции инженер Кузин сидел в землянке и составлял объяснительную записку к месячному отчету. Ему было душно. Зной, казалось, проникал не только через кошмы, которыми были прикрыты окна, но и через самые стены. И все то, к чему прикасался Кузин, – бумага, карандаш, стакан, – было теплым, словно назло ему нагретым.

Объяснительная записка не продвигалась. Уже несколько вариантов ее полетело в корзину. Но виноватой в этом была не только жара.

Месяц тому назад Кузин отпрапортовал Славину, главному инженеру треста, об успешном развертывании работ всеми отрядами и, чтобы заблаговременно получить ассигнования, показал выполненную полумесячную норму. На самом деле часть отрядов, выехавши на колесном транспорте, не пробились через пески и вернулась в поселок. Нужно было срочно переходить на выюк, а это означало начинать организационный период сначала. Не было ни кошм, ни веревок, ни достаточного количества верблюдов. С горем пополам снарядили и отправили только часть отрядов. А остальные ждали.

Раздражение росло и потому, что от жены не было никаких вестей. Кузин уже не верил, что она приедет, но все-таки ждал, обманывая себя, что вот-вот распахнется дверь, и Людмила, его Людмила, в большой войлочной шляпе, переступит порог и бросится к нему на шею... И начнет наблюдения... Ему во что бы то ни стало нужно вовремя дать геологам, буровикам и гидромелиораторам рабочие координаты, отметки и кальки. Если задержит – его разорвут на части. Да, какую он допустил ошибку, отправив отряды в пески на телегах!.. Вот тебе и затравившие барханы! А ведь предупреждали его, но он не послушался, решил рискнуть. Какой там риск! Просто не хватило силы воли сказать: назад! Думал: как-нибудь утрясется на местах, в каждом отряде. Вот и утряслось... Теперь вывертывайся, сочиняй, ври...

Он бросил в корзинку и последний вариант отчета.

Встав, подошел к окну, приподнял кошму. На минуту зажмурился от яркого света, удивившего в глаза. Но еще большее, уже по самому сердцу, резанула картина палаток, стоявших на берегу озера. Брезент провис, покосились стойки... Палаточный городок напоминал ему стаю обессиленных птиц. Когда-то они наберут сил и поднимутся вновь?..

За палатками вдоль берега петляет дорога. Она лениво обтекает прибрежные мары, спускается вниз, к самому озеру и, будто отведав горько-соленой воды, отбегает прочь, к самой подошве горы Жаксы-Тау. Затем она снова поднимается уже на противоположный берег, пропадает между буграми и показывается далеко-далеко, серой паутинкой на голубоватой полыни.

Второй день Кузин вглядывается в эту дорогу, поджидая из аула своего помощника Санкевича, уехавшего за верблюдами и выючным материалом. Все, что было на счете в банке, перешло в сумку Санкевича, а вот что он добудет? Но дорога не радует Кузина. Не появляется на ней желанный караван верблюдов во главе с Санкевичем. Только миражи бродят. И злят..

Зазвонил телефон.

«Неужели Славин?» – мелькнула мысль.

Кузин не сразу взял трубку, будто она могла обжечь. Глуховатый голос спросил:

– Товарищ Кузин?

– Да, да, – радостно отозвался Кузин, довольный тем, что звонил не Славин. – Слушаю вас...

– Здравствуйте, товарищ Кузин! Говорит Омаров. Зайдите, пожалуйста, к нам...

Омаров? Кто такой? Кузин не сразу вспомнил этого человека. Он не успел ответить на приветствие, как там, на другом конце провода, положили трубку. Омаров?.. Да это же секретарь райкома!..

Вызов в райком взволновал. Совсем недавно пристал уполномоченный госбезопасности Мамбетов, выпрашивал про людей экспедиции и просил прислать список работающих со всеми «установочными данными». Мамбетову не понравилось, что на стене, открытой всем, висит проект работ, по всей комнате разбросаны схемы, журналы, каталоги... Кузин не разгадал, что на душе у Мамбетова, но внимание к экспедиции его насторожило. Ведь оно, думал Кузин, неспроста проявилось.

– Нужно быть бдительным, товарищ Кузин, – сказал на прощанье Мамбетов.

Кузин усмехнулся:

– Воду же ищем совхозу. Какая тут бдительность!

– Мы воду, а кое-кто может подумать невесть что. У страха глаза велики. – Мамбетов развел руками.

Сейчас после звонка секретаря райкома Кузин с каким-то особым беспокойством вспоминал посещение Мамбетовым базы.

Наскоро переодевшись, Кузин побежал к Омарову. На всякий случай прихватил с собой проект работ, сунув портфель под мышку. В воротах Кузин наскочил на завхоза Пономаренко и чуть не сбил его с ног.

«Никак, в райком! – догадался Пономаренко и улыбнулся. – Давно бы надо...»

Он был одним из тех, кто возражал против выезда отрядов в степь на колесах, и теперь торжествовал: Кузина он недолюбливал. Молоко на губах не обсохло, а уже начальник!

Пономаренко хотел было повернуть на склад, как вдруг увидел идущую через улицу высокую и тонкую, как тростинка, девушку. Она несла в руках большой чемодан, узел и от тяжести приседала.

«Не к нам ли?» – подумал он и остановился.

Девушка, увидев его, заторопилась. Она еще больше стала приседать, и чемодан уже чертил углом по дороге.

– Дедушка, где база экспедиции? – прокричала она, опуская багаж на дорогу.

– Здесь, дочка. Здесь.

– Вот хорошо! А то я выбилась из сил.

– Да, поклажа не по коню.

– И вовсе не тяжело! – возразила девушка. – Неудобно только и руки режет...

– Вот и я говорю. – Завхоз улыбнулся. – Ну, здравствуй!

Девушка вспыхнула и виновато проговорила:

– Простите, пожалуйста. Я даже не поздоровалась. Так торопилась. Здравствуйте! А вы тоже в экспедиции работаете?

Пономаренко назвал себя.

– А меня зовут Любой. Фамилия Малинина. Из Камышина я. Практикантка.

– Вот и хорошо. Сегодня практикантка, а завтра, глядишь, начальником станешь... Ну, пошли. Дай, я тебе помогу.

Пономаренко взял чемодан и удивился.

– Что он у тебя свинцом налитый, что ли?

– Книги, одни книги!

– Ну, пошли, умница...

Пономаренко привел Малинину в комнату, из которой несколько минут тому назад вышел Кузин.

– Это квартира? – спросила Малинина, глядя на разбросанные вещи и бумаги.

– Все тут, Люба Малинина. И контора, и начальник живет. Других помещений нет.

– А где же мне поселиться?

– Там, где и все. На берегу! – Пономаренко сбросил с окна кошму, и Люба увидела поставленные вразброс по берегу озера палатки, возле них телеги, ящики, бревна.

– Разве еще не выехали в поле? – удивилась Люба. – Мне сказали, что...

– Сказали, сказали... Выехали, да возвратились. На выюке нужно было, а они, видишь ли, на телегах.

– Что же так, не знали, что ли?

– А это ты спроси у своего начальника, раз ты такая смелая. Кстати, он тебе встретился.

– Это высокий такой, с портфелем?

– Он самый. Вот он и доложит тебе... А мое дело палатку выдать...

Малинина вздохнула.

– Палатку выдаст и кладовщик, а вы – завхоз, Осип Осипович. Помощник начальника.

– Спасибо за науку, дочка.

– А вы не сердитесь. Осип Осипович... – Малинина огляделась. – Я вот еще что попрошу вас: принесите мне тряпку и воды...

– Это зачем?

– Разве в такой грязи можно работать? Давайте наведем порядок.

– На это уборщица есть.

– А вот мы ей и покажем, как убирать нужно.

Пономаренко с удивлением глядел на Малинину. Появившаяся к ней неприязнь начала таять. Девчонка, видать, работяга.

Между тем Малинина движением ног сбросила тапки, повязала волосы косынкой и еще раз сердито оглядела комнату, будто собиралась вступить в бой с беспорядком. Пономаренко, увидев, что новенькая берется всерьез, спросил:

– Воды какой тебе, холодной или горячей?..

Через час комнату было не узнать. Пономаренко выбился из сил, беспрестанно меняя воду, помогая Малининой передвигать шкафы, столы. Он подчинялся ей беспрекословно, даже повесил поверх кошмы белые простыни, как она приказала. Рулоны бумаги были сложены в пустой ящик, списки с координатами пунктов положены в отдельную папку. Была прибрана и кровать Кузина.

– Ну, кажется, все... – Люба победно оглядела комнату. – Да, Осип Осипович, положите к порогу тряпку...

Пономаренко вышел. Малинина присела на табурет. Все-таки она устала. Ночью не удалось уснуть, в вагоне было тесно и душно. Потом с километр тащила свой багаж по поселку. Хотелось лечь, растянуться хоть на полу. Люба еще раз придирчиво оглядела посветлевшую комнату. Вдруг она увидела свисающую с потолка паутину. Мигом вскочила на стул, но дотянуться не смогла. Тогда, боязливо покосившись на дверь, она забралась на шкаф и, стоя на коленях, протянула руку, чтобы смахнуть паутину.

– Вам помочь? – раздался за ее спиной мужской голос.

«Кузин»! – пронеслось в ее голове. Она вздрогнула, оглянулась и, потеряв равновесие, покачнулась.

В то же мгновение сильные руки подхватили ее и опустили на пол. Малинина протестующе оттолкнулась и увидела перед собою высокого, светловолосого парня.

– Простите, я не думал... Будем знакомы, Луговой...

Люба едва успела одернуть платье и поправить волосы, как в комнату вошел начальник экспедиции Кузин. Он с удивлением посмотрел на Лугового, Малинину, обвел серыми глазами преобразенную комнату.

– Вы ко мне, товарищ Луговой? В экспедицию? – спросил он с тем же удивленным выражением на худом, плоском лице.

Луговой ответил и поздоровался.

– Людмила Иннокентьевна передает вам привет. Просила сказать, что дети здоровы... Что она едет в Балаково.

Кузин побагровел и вдруг клюнул птичьим носом в сторону Малининой:

– А вы?

Малинина представилась.

– Не знаю, товарищи, куда я вас дену... Для вас у меня нет должностей.

Кузин бросил портфель на стол и словно только в эту минуту увидел, что на нем нет груды бумаг.

– Кто это... кто хозяйничал здесь? – спросил он.

– Мы, товарищ начальник! – ответил из-за спины завхоз Пономаренко и бесстрашно вышел вперед. – Бумаги в ящике все, в порядке...

– Всегда вы делаете то, что вас не просят. Выдайте лучше палатки приехавшим... Товарищ Луговой, приходите ко мне через час, вместе со всеми. На совещание.

Малинина подняла на Кузина взгляд, словно напоминая о своем существовании.

– Товарищ Пономаренко, объявите.

– Объявлю. Пошли, товарищи приехавшие...

Малинина схватила багаж, который она примостила у порога, и вышла из комнаты первая.

– А я принял вас за... – начал Луговой, широко шагая за Малининой.

– Вы не ошиблись. Мне, наверное, придется устраиваться здесь уборщицей. Слышали, что сказал Кузин? – проговорила Малинина серьезно, без улыбки. – Впрочем, на этом поприще я имею стажировку... У меня мама уборщица в школе.

Восхождение на вершину

«Очень хорошо, что ты приехала к нам. Будешь работать на Джаман-Куме. Придется начинать с рабочего строительного отряда»... Если бы Малинина услышала такие слова! Она почувствовала бы себя счастливой: ее мечты начали сбываться. Конечно, на Джаман-Кум – и никуда больше! Пусть там жара, пески, безводица, пусть там нет ни одного аула! Она, Люба, согласна. Она не боится никаких трудностей. Скажут: рой яму – будет рыть. Тесать бревна – будет тесать. Практика – это не прогулка в степь. Она ехала не для того, чтобы целое лето просидеть под зонтом у какого-нибудь техника. Кроме того, ей нужны деньги, чтобы помогать маме. Мама больная и уже не может работать.

Но Любе никто не сказал таких слов, которых она ждала. Кузин открыто остался недоволен ее приездом. И вот – не позвал на совещание. Все ушли, даже старшие рабочие, а она осталась и ходит возле палаток, как сторож. Впрочем, не одна она. Поодаль от палаток горят костры, там рабочие пьют чай. Подсесть бы к ним. Не догадаются пригласить. Никому нет до нее дела. Плохо быть женщиной. Вот если бы она была парнем, то подошла бы к костру, присела на корточки с кружкой... Скорее бы получить спецовку, и тогда к черту эти юбки, чулки, кофточки. Она наденет шаровары, широкую блузу и обязательно отрежет косу. И будет как все. Не отличишь, парень ли, девушка. И удобнее будет работать. Ведь придется ездить верхом, на выюке...

Размечталась! Кто тебя возьмет, такую нескладную. Вон Валентина Шелк – красавица. Глаза с блюдце, ресницы, как крылья. Цыганка! Кузин с ней без улыбки не разговаривает. Конечно, она там, на совещании. Начальник отряда!.. Нину Меденцеву Люба не видела. Шелк сказала, что это – любовь Лугового. Ну и пусть. Что ей? А интересно, какая она? Луговой – сильный, красивый. Такой не полюбит плохую. Наверное, и Меденцева такая же. И везет ей: уже работает. Совхоз выделил быстро и транспорт и рабочих. Меденцевой завидуют, о ней почему-то говорят с неприязнью, особенно Шелк. Называет ее эгоисткой и черствой.

Когда совсем стемнело, Люба присела возле палатки на ящик. Хотелось растянуться на раскладушке, закинуть руки за голову и глядеть, глядеть на звезды... Нет, спать нельзя. Ей нужно дождаться Лугового. Может быть, там, на совещании, решится и ее, Любина, судьба. Ей нужно узнать. Не может же она уснуть так, в неведении. Вдруг скажут: уезжать обратно! Ну, нет, она сейчас же пойдет к Кузину и скажет ему, что... Она найдет, что сказать.

Перед Любой, вдали, светится озеро. В нем так много звезд. Вместе с небом. Вон белое облачко, глубоко-глубоко. И гора запрокинулась вершиной вниз вместе с пирамидой. И возле пирамиды – Венера, любимая звезда Любы. Она такая светлая, заметная. Интересно бы на нее посмотреть в иллюминатор космического корабля.

Погасли костры возле палаток. Голоса утихли. Улеглись зоревать верблюды. Уже не тянет кизяковым дымком со стороны поселка. Степь дышит прохладными струями ночного воздуха и чистейшими запахами полыни.

Начальников отрядов все еще нет. Нет и Лугового. Уже подкашиваются ноги, клонится голова на грудь.

«Я только присяду на кровать», – думает Люба и направляется в палатку.

Опустившись на кровать, она касается щекой подушки. И забывает все...

– Проснитесь! Любовь Владимировна!.. Да встаньте же! – слышит она над собой голос Лугового. И чувствует, как он трясет ее за плечо. Но нет сил раскрыть глаза, приподняться. – Черт знает что такое! Разве можно так спать!

Луговой берет ее за плечи, приподнимает. А может быть, это только сон?

– Товарищ Малинина!

Люба вскочила, машинально одернула на себе майку. Луговой стоял перед ней, чуть пригнувшись. А над его головой розовел брезент. Утро!..

– Мне нужно поговорить с вами. Простите, что разбудил, выйдем из палатки.

Он выходит первым, за ним – Люба. Навстречу им из-за недалекого горизонта выплывает огромное пунцовое солнце. В одно мгновение степь порозовела, а гора Жаксы-Тау вспыхнула. И озеро налилось пламенной краской. Луговой повернулся к Любе, и она увидела на его лице, тоже озаренном солнцем, метины бессонной ночи.

– Знаете, Любовь Владимировна, мне все-таки дали этот Джаман-Кумский ряд. Я настоял на своем, – проговорил Луговой с блеском победы в глазах. – Кузин сдался. Теперь я буду вести рекогносцировку, постройку и наблюдение. Работы до января...

– Вот здорово! – воскликнула Люба, с завистью подсмотрев на Лугового.

– А сейчас я еду в совхоз за верблюдами. Передвигаться будем только на выюке...

Люба лишь сейчас заметила оседланную лошадь, привязанную к палатке Лугового. Лошадь вскидывала голову и нетерпеливо перебирала ногами.

– Иноходец. Мой будет. Карий. Хорош?

– Очень! – улыбнулась Люба. – А вы надолго?

– Дня на три, не больше. Так вот, Любовь Владимировна. Я разбудил вас...

– Борис Викторович, называйте меня просто Любой. У меня такое нескладное имя-отчество.

– Хорошо. Так вот, Любовь... Люба. Нет, имя у вас хорошее. – Луговой покраснел. – Так вот... Вас пригласит Кузин. Он предложит вам две должности: вычислителя при базе экспедиции и начальника строительного отряда на Джаман-Куме. Если вы согласитесь на последнюю, то мы будем работать вместе. Я просил Кузина, чтобы он назначил вас ко мне.

– Но почему начальником?

– Мне нужен начальник строительного отряда. Вот и все.

– Но вам нужны и рабочие. Борис Викторович, дорогой, возьмите меня просто рабочим. Я буду делать все-все, что скажете!

– Просто рабочего я найду, а вот... Словом, вы боитесь ответственности? Так и скажите!

– Ответственности? Я просто боюсь, что не сумею. Ведь я никогда не строила...

– А думаете, я строил? Наблюдал?.. Но я же взялся, да еще выпросил, настоял. Впрочем, не будем терять времени. Решайте сами. Но если согласитесь на Джаман-Кум, то прошу вас получить к моему приезду все оборудование. Накладные у завхоза. До свидания...

Вскочил в седло, ударил плетью лошадь, поскакал и скрылся под берегом...

«Ну вот, Любка, выбирай, какой дорогой пойдешь. Либо в степь, либо в контору».

На лекциях, когда преподаватель читал курс постройки тригонометрических знаков, начальник строительного отряда представлялся здоровенным детиной с секирой в руке. Сказочный богатырь! В Любином воображении он с одного маху валил деревья, поднимал цементные монолиты... А теперь вот она в его роли, беспомощная и жалкая. Что же делать?.. Вот и растерялась ты, Любка. Из двух дорог одной не выберешь. А еще говорила, на космонавтов нужно равняться. На Венеру хотела поглядеть из иллюминатора. Вот так всегда получается: сказать – многие смелы, а сделать...

– Ты с кем разговариваешь?

Люба вздрогнула, оглянулась. Возле палатки стояла Валентина Шелк и смеялась. Глаза – что колодцы, ресницы – крылья. Надо же родиться такой цыганистой! Счастье людям!

– Я видела, как ты с Луговым прощалась. Холодновато что-то... – проговорила Шелк. – Ты уж оставь его в покое. У него невеста недалеко.

Люба вспыхнула.

– Зачем вы говорите так?

– Не будем оправдываться. И я бы не прочь с Луговым покрутить. Сказала бы ему: в степь, и он бы понес... А вообще ты надежды не теряй. Он здорово за тебя на совещании стоял. Я уж, грешным делом, подумала, не влюбился ли? Вот хочу предупредить: много на себя берет. Ведь он диплом защитил по аэрофотосъемке, а за триангуляцию берется. Завалит он ряд и тебя втянет. На молочишко не заработаете. А ведь все из-за того, чтобы быть поближе к Меденцевой.

– Да откуда вы знаете? – возмутилась Люба.

– Тут и знать нечего. Посмотри на карту. Самый ближний участок к совхозу – Джаман-Кум. Так что оставайся лучше на базе. Вернее дело. Тут тебе холодильник, радиолы, и заработать можно больше, чем в степи. Сиди себе и крути арифмометр до потери сознания. И не скучно будет. Жена не едет к Кузину, ты знаешь?

Люба слушала Шелк с возрастающей неприязнью. Все в этой цыганке ей становилось противным. Она уже не могла смириться с тем, что на ней была слишком облегающая грудь майка, узкая и короткая юбка, и на ногах такие босоножки, что хоть пересчитывай пальцы.

– Знаете, уходите, – прошептала Люба. – Я не желаю этого слушать... Уходите!

Шелк передернула плечами.

– Вот чудачка. Я же от души! Разве не понимаешь! Хотела ввести тебя в обстановку.

Шелк повернулась и, не торопясь, спокойненько пошла к палатке Виднова, а уже через минуту они вышли вместе с полотенцами на плечах и направились к озеру. «Купаться», – догадалась Люба, вспомнив, что вчера завхоз делал им выговор за расход пресной воды: придя с озера, они обдавались из бочек, чтобы смыть соль. Вот к теперь пошли. Рука Виднова на плече Шелк. Вчера перед вечером они танцевали твист под радиолу. Смотреть было тошно, а им хоть бы что.

Теперь было не до сна. Люба лежала на койке с открытыми глазами, взволнованная и готовая разрыдаться. Слова Шелк будили сомнения. Вот, оказывается, из-за чего Луговой отвоевал себе Джаман-Кум. Быть поближе к Меденцевой! А она, Люба, причем здесь? Какое ей дела до этого? Она едет на Джаман-Кум работать.

В дверь палатки была видна Жаксы-Тау. На ее вершине белела крохотная пирамидка. Крохотная? Это только кажется. Настоящая пирамида. Люба вдруг представила себе, что это она построила такую громадину, далеко, со всех дорог, видную людям. Теперь она смотрела на Жаксы-Тау ревнивыми глазами, как творец.

«А не подняться ли мне туда? – подумала Люба. – Поднимусь и рассмотрю все. Может быть, не так уж и сложно... Одно дело – когда читаешь, другое – когда посмотришь сама».

Она прикинула глазом расстояние до горы и, как все, впервые оказавшись в степи, ошиблась. Здесь расстояния скрадывались, особенно в утреннее и вечернее время, когда все вокруг виделось четким и казалось от этого ближе, чем на самом деле. Люба ошиблась, чуть ли не вдвое, преуменьшив расстояние до Жаксы-Тау.

«Пойду! – решила она бесповоротно. – К завтраку вернусь...»

И вот она на пути к Жаксы-Тау. Воздух свеж, дышится легко. Люба бежит, как на тренировке, вначале следя за дыханием, ритмично работая локтями. Но постепенно забывается, и мысли уводят ее далеко-далеко.

Она уже представляет себя начальником строительного отряда. У нее в подчинении двенадцать человек, караван верблюдов. Она ездит на иноходце, как Луговой. У лошади подстрижена грива... Люба расхоталась. Надо же так размечтаться! Эх, и глупая же ты, Любка! Наравне со всеми будешь работать, вот что! Рыть ямы, тесать бревна, заливать цементом монолиты. И нечего фантазировать! Для «большой воды» будешь трудиться. Как все.

Мысли о воде будто встряхнули ее. Она вдруг почувствовала, что у нее пересохло в горле. Убавила шаг, оглянулась. Палатки экспедиции, поселок остались далеко-далеко, но гора Жаксы-Тау, к которой она шла, не приблизилась. «Что за наваждение? – подумала Люба. – Не вернуться ли?»

В висках начинало стучать, подламывались колени. Хотелось хоть на минуту укрыться в тени, хотя бы спрятать от солнца голову, но вся степь вокруг обнажена и открыта немилосердному зною.

Скоро Люба потеряла ориентировку во времени. Часов у нее не было. «Нужно купить. При первой же получке», – решила она, но тут же вспомнила, что только вчера наметила первый заработок целиком отослать матери: пусть порадует. Теперь ее зарплата будет в семье основной. Работа впервые в жизни пришла к ней. Только надо окончательно выбрать, кем быть: вычислителем или строителем. Остаться в поселке или ехать на Джаман-Кум. «Тут тебе холодильник, радиолы... – вспомнились слова Шелк. – И заработаешь больше...» Шелк была рядом, нашептывала, обдавала горячим дыханием, дразнила стаканом холодной воды. Люба старалась не думать о воде, забыть, но вдруг перед ней открылось озеро, и на берегу его, отражаясь в воде, вытянулись тополя, а за ними смутно выглядывали белые, как снег, колонны высокого дома. Откуда это все? Ведь несколько минут тому назад перед ней ничего не было, только степь! Да ведь это мираж!.. Люба закрывает глаза, опускается на колени, чтоб отдохнуть. Чувствует, что должна закрыть от солнца чем-либо голову. Она машинально стягивает майку, шаровары, накручивает на голову чалму. Через две-три минуты становится легче, меньше стучит в висках. Она поднимается и идет дальше, пошатываясь и спотыкаясь. Оголенные руки и ноги начинают краснеть, кожу пощипывает. «Вернись! К чему столько мук? – вновь слышится голос Шелк. – Все равно останешься в конторе. Все люди выбирают пути полегче». – «Нет, не все, – протестует Люба. – Не все! Вот Луговой...» – «А что Луговой? Из-за Меденцевой, чтоб быть ближе к ней». – «Вовсе нет! – это же слова Шелк, разве не слышишь?»

Так, споря с воображаемой Шелк, она добрела до подножия горы, размотала чалму и, надев на себя одежду, начала подъем на вершину. Рыхлая, разогретая до тошноты земля ползла под ногами. На осыпях она утопала в песке. На кручах срывалась, ползла на четвереньках, подтягивалась. Все выше и выше, с каждым шагом, с каждым рывком вперед.

На склоне, в расщелине, ей попался куст с желтыми цветами. Люба припала к кусту и начала срывать цветы и высасывать из них теплые сладкие капли. Раздвигая ветви, она увидела гнездо и в нем два крохотных, в крапинку, яичка. Люба протянула к ним руку, чтобы взять и выпить, но в ту же минуту над ней с отчаянным писком закружила серая птичка. Она бросалась на Любу, выпустив тонюсенькие коготки и вытянув шею.

– Ах, какая ты!.. – удивилась Люба и отступила.

У нее будто прибавилось сил. Теперь уже без отдыха она достигла вершины. Приблизившись к пирамиде, Люба взглянула на нее с восхищением. И оставалась недвижимой. Только когда закружилась голова, Люба отвела взгляд и увидела, как высоко она поднялась над степью. Где-то внизу, так далеко от нее, лежало, как тарелка, озеро, рядом с ним чернел поселок. А за поселком что-то желтело, и Люба не сразу догадалась, что там начинались пески.

На вершине подувал ветерок. Любе казалось, что все ее тело пронизывают свежие струи его, просвечивает солнце, наполняют степные запахи. Она – как стебелек молодой полыни...

Отдохнув и придя в себя, Люба осмотрела пирамиду. Старалась запомнить все ее узлы, связи.

Геодезисты часто оставляют записки под пирамидой – у центра. Люба нашла выступающую из земли трубу с крестиком, стала разрывать возле нее песок. Скоро она почувствовала под пальцами овальную поверхность жестяной банки. Отрыла ее, отвернула крышку. В банке лежала свернутая в трубку бумажка. Люба вытряхнула ее, развернула. На листке было написано два слова: «Жаксы-Тау». Записка разочаровала ее. Она ждала других слов, которые могли бы сказать ей о людях, построивших эту красивую пирамиду. И притом сказать так, чтобы Люба представила себе этих людей, как живых.

Люба еще раз взглянула на записку, скатала ее и положила себе за лифчик, чтобы принести в поселок. Если кто не поверит, что она поднялась на самую вершину, то эта записка будет

надежным доказательством. А зарывать ее на старое место... Зачем? Кому нужно название, известное всем и без этой записки!

Пора было возвращаться обратно. Люба осмотрелась. С вершины горы ей открывался пологий склон, который не просматривался со стороны озера. По нему можно было спуститься легко и просто, но Люба взглянула на него с презрением и бросилась вниз по своим следам...

В поселок Люба вернулась во второй половине дня. Войдя в столовую, она знаком руки попросила у буфетчицы пить, и только с третьего стакана кумыса почувствовала, что к ней возвратился голос. Тогда она заказала себе обед. Здесь и нашел ее завхоз Пономаренко. Увидев ее, он просиял и схватил за руку, как провинившуюся девчонку.

– Ты что же это, Люба-Малина?.. С утра разыскиваем тебя. В милицию уже заявили... Пошли!

Так, не отпуская руки девушки, Пономаренко привел ее к Кузину.

– Вот, нашел!.. На Жаксы-Тау ходила. Пирамиду смотреть.

Кузин выскочил из-за стола, заклевал носом перед Малининой.

– На Жаксы-Тау?.. Да вы знаете, что до нее пятнадцать километров?

Кузин, округляя, прибавил, но сказал это так, будто Малинина еще не побывала на Жаксы-Тау, а только собиралась в путь.

– Что же теперь нам делать?

– Строить, товарищ Кузин. – Она намеревалась ответить как можно решительнее и тверже, но голос вновь сорвался: – Назначьте меня к Луговому...

Оглядев ее, опаленную солнцем, с ободранными в кровь ногами, Кузин пожал плечами.

– Я имею в виду другое, – проговорил он значительно. – Вас придется наказать за... нарушение дисциплины. А пока идите, приведите себя в порядок.

Комната покачнулась перед глазами Любы. Вот и рассыпались все ее мечты. А она еще записку спрятала, собиралась кому-то доказывать... Кузин поверил и без доказательств, грозил наказать. Это слово пугало. Ее, Любу Малинину, еще никогда и никто не наказывал.

Около часа она пролежала в палатке, как мертвая... Потом встала, преодолев острую боль во всем теле. Вымылась, экономя каждую кружку воды. Надела свежее платье, еле натянула на распухшие, исцарапанные ноги туфли и пошла к Кузину с твердым намерением не сдаваться...

Кузин долго уговаривал Любу остаться на базе вычислителем, обещал хороший заработок.

– Я введу вас в курс многих камеральных работ. Это же пригодится в жизни!

А Люба стояла на своем: только в степь, только строить!

Вечером она вернулась в палатку начальником строительного отряда. Теперь она именовалась техником-практикантом. Через плечо у нее висела набитая инструкциями и чертежами пирамид сумка, большая и жесткая, как сиденье в троллейбусе. Кузин все-таки объявил ей выговор, устно. И с глазу на глаз. Она никогда не думала, что это будет так неприятно. А как чувствуют себя люди, которые получают выговоры с объявлением в приказе? Люба содрогнулась. Письменные выговоры, она слышала, снимаются, а устные? Люба решила спросить об этом у Лугового, когда он вернется в поселок.

Солнце заходило за Жаксы-Тау, и пирамида освещалась из-за горы будто прожектором. Но она была не алая, как на рассвете, а темная, словно нарисованная на небе углем. И Люба уже смотрела на нее другими глазами, глазами вдруг повзрослевшего человека.

«Только лично»

Пакет лежал сверху бумаг, поданных секретарем. Открыв папку, Мамбетов сразу увидел фиолетовый штампик «только лично». Давно не приходило таких из управления. Он взял ножницы, вскрыл, вынул сложенный вчетверо лист бумаги. Прежде всего бросилась в глаза куцая, похожая на замысловатый вензель подпись начальника отдела Соломцева. Мамбетов прочел короткий текст и нахмурился. Черт возьми, всего несколько строк, а такую тяжесть они взвалили на плечи Мамбетова!

Старший лейтенант прикоснулся к кнопке звонка, и тотчас в кабинет вошла секретарь, худая старушка в пенсне.

– Слушаю вас.

– Мария Ивановна, запишите пакет за мною, – сказал ей Мамбетов, откладывая пакет, чтобы взяться за остальную почту, но Мария Ивановна спросила:

– Где будет храниться бумага? В каком деле?

Мамбетов поморщился.

– Ну, запишите... в деле... «Незванного гостя».

– Такого дела у нас нет, – возразила Мария Ивановна.

– С сегодняшнего дня будет.

– Хорошо.

Мария Ивановна вышла, подумав о том, что пожалуй ли этот «незванный гость» или нет, а хлопот ее начальнику, да и ей самой прибавит немало. Но что ж делать, такая работа.

Оставшись один, Мамбетов опять перечитал бумажку Соломцева и стал думать над тем, что же ему делать, с чего начинать. Он встал из-за стола и начал ходить по кабинету, поглядывая в окно. Ему видны были крайние мазанки поселка, за ними берег озера, а еще дальше степь и гора Жаксы-Тау с пирамидой на вершине. За этой горой, на целинных землях совхозов развертывала свои работы геодезическая экспедиция инженера Кузина. И то, о чем говорилось в пришедшей бумаге, касалось и этой экспедиции. Вернее, могло касаться, потому что из письма Соломцева не было ясно, зачем и с какой целью Линда Мартин, гид американской выставки, вдруг проявила интерес к Жаксы-Тау. Конечно, это важно, если Линда Мартин разведчица. Значит, ее интересовала какая-то информация о Жаксы-Тау. Сама собой такая информация не придет. Ее добывают и передают. Значит, в Жаксы-Тау должен прибыть агент. А может быть, он прибыл уже давно, и Мамбетов не знает? Вот будет «незванный гость»! А почему он должен быть в экспедиции? Вовсе не обязательно... А что, если Линда Мартин не разведчица? Тогда все доводы Мамбетова окажутся построенными на песке...

Мамбетов забыл о том, что обещал жене прийти на перерыв вовремя. Курил папиросу за папиросой, мерил шагами комнату, глядел в окно. Гора Жаксы-Тау упиралась вершиной в самое небо. Недавно к пирамиде поднялась техник-практикантка Люба Малинина. Отважная девчонка. Пришла вся ободранная, обожженная солнцем. А ее искали. Никому не пришло в голову, что она предпримет такой рейс. Одна. И лишь затем, чтобы посмотреть, как выглядит настоящая пирамида, как нужно строить такие вышки. Мамбетов старался вспомнить, кто это – Люба Малинина, но внешность ее не запомнилась, хотя он беседовал со всеми работниками экспедиции, когда их палатки стояли на берегу озера.

Вернувшись к столу, Мамбетов начал просматривать почту, но спокойно поработать ему не пришлось. Дверь приоткрылась, послышался расслабленный голос:

– Привет начальнику!..

Можно, не поднимая глаз, сказать, что это – Бушлин. Только он входил к Мамбетову с таким возгласом. Бушлин – старый чекист. За нарушение социалистической законности по

ряду дел его исключили из партии, лишили пенсии. Он обжаловал в Москву и ждал вызова в КПК.

Мамбетов закрыл папку, пригласил Бушлина в кабинет, хотя и знал, что старика тогда быстро не выпроводишь. Но что делать, Бушлин когда-то много лет просидел на месте Мамбетова, и ему приносила почту та же Мария Ивановна, которая носит почту Мамбетову. Обидеть невниманием старика нельзя.

Бушлин протянул суховатую костистую руку, взглянул на Мамбетова слезящимися глазами.

– Не пришел вызов?

И вдруг сильнее обычного замотал головою, будто сам себе отвечал: «нет-нет...»

Мамбетов поспешил успокоить:

– Придет, Степан Фролович. Обязательно придет.

– Ох, не дождусь, не дождусь!.. Ну, я посижу у тебя, Ермен Сабирович. Ты читай себе... Вижу, почта... Ты не гляди на меня, читай! А я отдохну. Для меня эти стены будто целебные. Как же, самое трудное время провел в них. И вот тянет к тебе, Ермен...

Чтоб голова не тряслась, Бушлин подпирает подбородок палкой, поставленной между колен. Говорить в таком положении ему трудно, но молчать он не может.

– Должно быть, работенки прибавилось у тебя, – через минуту говорит он. – Понаехало в наши края всякого люда. В одной экспедиции сколько, а на канале!.. И как ты справляешься? Тут не мудрено и проморгать...

Бушлин косит глазами в окно, в сторону озера, где недавно стояли палатки экспедиции.

– Признаюсь, захаживал к инженерам, приглядывался... Один раз, знаешь, на танцы попал. Гляжу, выламываются двое под радио. Приемничек такой симпатичный у них, на ремешке... Играет. А танцуют так, что глядеть тошно. «Что за танец?» – спрашиваю. «Рок!» – говорят мне. «Откуда такой завезен?» – спрашиваю. – У нас, в России, такого не заведется». Смеются: «Американский танец, папаша». – «А ну, – говорю, – прекратите безобразие!» Так на них пошумел, а им хоть бы что, еще пуще кривляются. Вот народили на свою голову! Такие ведь отца с матерью продадут.

Мамбетов закрыл папку с бумагами, улыбнулся:

– Полно, Степан Фролович! Так уж и продадут. Ну, подурачились ребята, что тут такого?

Бушлин вскочил, затряс головой.

– Как это ты так легко?.. Да скажи ты мне такие слова в наше время, я бы тебя... к ответственности за притупление бдительности... Нет, Ермен, мы не такие были. В узких брюках не ходили, шляп не носили...

Не отвлеки старика, так до ночи вспоминать будет, Мамбетов поднимает руки, делая вид, что сдается.

– Не будем спорить, Степан Фролович. Как сердечко-то?

– Знаешь ведь: два звонка было. Теперь третьего жду. Врачи говорят, нельзя мне расстраиваться. А вся моя жизнь – сплошное расстройство. А сейчас и во сне покоя нет. Проснусь – мокрый весь, и сердце стучит, будто ему тесно там, в груди. А когда-то железный был. Думал, износу мне не будет. Раньше рассвета не приходил с работы. Солнышко всходит, а я только спать собираюсь. Часа четыре продремлешь и – снова на ноги... Да разве я один так работал?.. А теперь вот расплачиваюсь. Бериевцем называют... А я же батрак, предан коммунизму по гроб. Правда, грамотенки у меня маловато, три класса всего. Ну, пусть кое-что недопонимал, кое в чем ошибался. Однако же мои дела прокуроры подписывали, суды рассматривали... Вот и скажи теперь, какое здоровье нужно, чтобы все это выдержать. Тут на место сердца стальной мотор поставь, и то вразнос пойдет...

Мамбетов, как может, успокаивает старика. Тот отмахивается:

– Вижу, что мешаю тебе... Не до моей боли... Ну, если там чего придет, дай сразу знать. Одной надеждой, можно сказать, и тяну...

Бушлин надвигает на лоб фуражку без звездочки и, стуча палкой, выходит из кабинета. Голову его будто дергает кто в стороны: «нет-нет... нет-нет».

Мамбетову жаль старика и больно оттого, что оказалось возможным время, порождавшее таких, как Бушлин. Он, Мамбетов, живет в другие, счастливые дни. Их надо беречь и ценить. Честно и самоотверженно работать. Он думает о первой ориентировке Соломцева по делу «незванного гостя», прикидывает, с чего начинать...

Любаша-Кыз

Джаман-Кум оказался не таким страшным, как представлялся Луговому и Малининой. На барханах весело шелестели длинными, жесткими листьями стебли краснотала, в низинах и по склонам песчаных увалов стражами стояли султаны кияка, ежами топорщились кустики перекасти-поля и кумарчука, а по лиманам, в кольцах песчаных гряд, распластались ковры разнотравья. Между бархан попадались привейные песком развалины мазанок, истлевшие плетни кошар, заваленные колодцы – «худуки». По всему было видно, что когда-то в песках текла бурная жизнь. Ее и хотел вернуть сюда директор совхоза Дубков.

– Борис Викторович, я представляла себе эти места иначе, – часто говорила Люба Луговому, глядя восхищенными глазами на золотисто-зеленое море. – Думала, что здесь, как в Сахаре, а тут!..

Луговой хмурился. Он и сам открыл здесь Америку, однако барханы не радовали его: они закрывали горизонт, а ему нужны были открытые дали.

Но работа ладилась. Малинина со своими строителями шла по пятам Лугового, и скоро уже много ее пирамид подняло свои головы над барханами. Луговой, глядя на них, радовался, со дня на день откладывал свою поездку в совхоз к Меденцевой.

Однажды нарочный, доставивший отряду продукты из совхоза, привез Луговому записку от Меденцевой. Он с радостью распечатал конверт и стал читать.

«Борис! Я не буду оправдываться, – писала Меденцева четким твердым почерком. – Скажу прямо, что я очень виновата перед тобой. Не сумела навестить тебя в больнице, не написала ни с дороги, ни с места. Но не только в этом моя вина. Последнее время я много думала о наших надеждах, мечтах. Представь себе, они кажутся мне наивными. Наши планы похожи на иллюзии подростков. Кочевая жизнь стала меня угнетать. Мне надоели скитания по полям, общение с грубыми людьми, пища из закоптелого котла. Я просто не могу жить так дальше. Я хочу уюта, тепла... Словом, ты меня должен понять. Можешь, и наверное, будешь ругать меня. Возможно, я этого стою, но дальше я не могу быть с тобою неоткровенна. Не пытайся искать меня, ни в совхозе, ни в степи. Не надо, Борис...»

Степь померкла для Лугового. Он сунул записку в карман и с этой минуты стал зол и замкнут. Перестал смотреть людям в глаза и обходил Малинину, будто один вид ее был для него неприятен. Недели через две он вдруг, бросив отряд, поскакал в совхоз. Пять дней его не было в отряде. Вернулся страшный: исхудавший, заросший, грязный, но никому не сказал, где был, что делал. Малинина догадывалась, что он заблудился и, видимо, не нашел Меденцеву. Проспав сутки, Луговой привел себя в порядок, проверил, что сделала Люба в его отсутствие.

Отряд снова входил в прежнюю колею.

Новое место для очередной пирамиды – высокий затравевший бархан – Луговой наметил еще издали. Он приехал на него после полудня и, не торопясь, расставил теодолит, чтобы определиться инструментально. Воздух еще плыл, очертания горизонта зыбились – видимость не наступила. Луговой отошел от инструмента, посмотрел вниз, где Самит отрывал худук, чтобы напоить верблюда и лошадь. Не мешало попить чаю и самим.

– Будет вода? – крикнул Луговой.

– Нам с тобой не достанется. Пока верблюд пьет, худук заплывет.

– Чайник набери все-таки...

Да, худуки-малютки заплывали на глазах. Вода была недалеко, на метр отроешь – и набегают мутноватая, будто молочные помои, водица. Тут и вычерпывай ее быстрее, собирай в ведра, пока песок не затянет ямы. Иной раз по пяти, десяти таких худучков приходилось

отрывать в день, чтобы промочить горло самим и дать по ведру верблюдам. Но и такая вода выручала. А в солончаковой степи ее вовсе не было. Иногда отряд натыкался на выбуренные колодцы. Они пугали своим черным бездоньем. Кто-нибудь бросал камень, и люди, наклонившись над слепым оком колодца, ждали всплеска. Он раздавался не сразу. Тогда связывали все веревки в одну, опускали ведро. Но воду не пили даже верблюды – она была горькой и затхлой.

Жара начинала спадать. Наступало предвечернее время, лучшее для наблюдений, когда море пропадало и горизонт обретал свои действительные контуры. Видимость! Пора начинать!.. И для Лугового уже ничего не существовало на свете, кроме перекрестия нитей в трубе, кроме делений лимба, градусов и минут, – ничего. Он наводил трубу на болванки пирамид, выступающие вдаль над горизонтом, радовался, что они видны, брал отсчеты по лимбу и записывал азимуты в журнал, внимательно просматривал местность впереди, там, где нужно было ставить следующую пирамиду. Вот бы опять попался хороший бархан! Перед глазами движется ровная линия зеленого моря... Вот – бугор! Он так и чернеет вдаль, приподнятый колебанием воздуха. Видимости приходит конец. Но времени еще достаточно, чтобы закончить рекогносцировку. Луговой отсчитывает по лимбу, накладывает направление на схему. Бугор подходит! Пирамида будет на этом бархане. Строй, Малинина! Вот тебе сразу две. Теперь ты не будешь косо смотреть в мою сторону. Остается дать название пирамиде, которая поднимется на бугре, где стоял Луговой.

– Самит, как назовем пирамиду? – кричит Луговой вниз.

– Не знай, товарищ... Я не мулла.

– Бугор как называют?.. По карте – Кунан-бай.

– Неправильный твой карта, товарищ. Кунан-бай – плохой человек был. Кунан-бай – это вся земля тут, его... А бугор вовсе не Кунан-бай. Землемер совсем неправильно писал. Не спросил.

– Как же?

– Старики называют Любаш-кыз.

– Как?.. Да ты подойди, что кричишь за версту. Это же для дела...

Самит бросает лопатку и медленно поднимается на бархан.

– Что старики говорят? – переспрашивает Луговой.

– Старики говорят: Любаш-кыз называется этот бугор.

– Что такое Любаш-кыз?

– Ой-бай, будто не знаешь. Имя...

– Чье?

– Последняя жена у Кунан-бая была... Ну, не жена, а невеста... И даже не невеста... – Самит отводит глаза.

– Ты что путаешь?

– Зачем путаю... Старики говорят. Кунан-бай выбрал себе в ауле молодую девушку, а она не захотела идти к старику в жены. Он привез ее насильно. Ну вот, когда в первую ночь он пришел к ней, она выхватила кинжал и... зарезал Кунан-бая, как барана.

– Это что, легенда?

– Спроси стариков... Говорят, здесь кибитка Любаш-кыз стояла. Вот с тех пор и называют бугор так.

– Что-то не то, – промычал Луговой, сомневаясь.

– Как не то! – Самит поднял голову. – Тебе надо так: Кунан-бай сделал Любаш-кыз женою, она не выдержала позора и сама себе кончал. Да?.. Тогда бы не назвали люди бугор Любаш-кыз. Не за что!

– Значит, Любаш-кыз?

– Сколько раз говорить!

– Ну ладно, так и запишем... Любаш-кыз. Неплохо, Что-то в этом имени есть.

– Конешна!

Самит побежал с бархана, сдвигая ногами песок. Луговой продолжал записи.

Но вот и стемнело. Не беда, рекогносцировка окончена. Снимается теодолит, складывается тренога, журналы прячутся в сумку. Луговой ухитряется весь свой скарб взвалить на себя. Он приходит к Самиту с видом победителя.

– Видишь, Самит! Сразу два пункта! Как это?

– Не хвались, товарищ. Неделю проездил туда-сюда, ничего не сделал, – говорит Самит, раздувая костер. – Еще раз пойдешь – напишу начальнику. А еще директору совхоза. Дубков сразу отберет верблюдов. Пусть, скажет, лучше в совхозе работают, если так...

– Ладно, ладно. Я по делу ездил...

– Знаем такие дела, товарищ.

– Ну, пиши.

– Конешна! Нас агитировал обязательства брать – мы взяли. А сам что делаешь?

Самита никогда не поймешь, всерьез ли он говорит, подтрунивает ли. На этот раз похоже всерьез.

За чаем Луговой молчал, обжигался. А Самит блаженствовал, опорожня кружку за кружкой. Наверное, десятый пот сходил с Самита.

– Вот хорошо, товарищ! Чайка попьешь – быстро пойдешь. Вода какой мягкий попался, скажи, пожалуйста!

Через полчаса Луговой и Самит возвращались обратно. Луговой на своем иноходце скакал впереди, Самит раскачивался на верблюде, как в люльке. К выюку привязаны палатка, теодолит, штатив, чайник, ведро – все хозяйство полевика. За версту слышно, кто едет. Все гремит, звонит. Да еще Самит никогда не едет молча. Вот и сейчас затянул песнь. То тянет одну ноту, то сыплет скороговоркой, то забирается к самому небу, то над барханами стелет. Песни слагает он сам, моментально. Как же не сложить песню о том, что сегодня такая удача! Они не метались по степи, как зайцы, туда-сюда. Сразу нашли хороший бугор! А впереди какой бархан разглядели! Хоть сейчас ставь пирамиду! Только вот день пришел к концу, солнце заходит... Они спешат на стан, где их ожидает весь отряд. И больше всех – Любаша-кыз!.. Ой-бай, Любаша-кыз! Вовсе ты не жена Кунан-бая... У того проклятого богатея никогда не было жены с таким именем. И Кунан-бая никто не резал, сам сдыхал, жирный черт. Любаша-кыз – это Люба Малинина, она строит пирамиды, которым Борис дает совсем не такие имена, как нужно. Вот и надул Самит, а Луговой поверил выдумке. Балашка, да и все! Ну, пусть пирамида называется так, Любаша-кыз и ее построит.

– Эй, Самит, ты что там импровизируешь?

Самит умолкает и растерянно смотрит на Лугового, Как это он оказался рядом? Или нарочно подкрался, чтобы подслушать. Неужели стал хорошо понимать по-казахски? Ой, Самит, не забывайся!

– О чем пел, спрашиваю?

– А-а! Солнце за барханы заходит, в совхозе кобылиц доят.

– Я причем?

– А-а! Разве не хочешь кумыса?

– Хочу.

– Вот об этом пел.

– А Любаш-кыз?

– Тоже хочет...

– Ты что мне морочишь голову?

– Зачем так говоришь, товарищ? – Самит обижен.

Луговой сердито взглянул на него, но уже было темно, и он не увидел той плутоватой улыбки, которая бродила на его лице.

– Раз про кумыс заговорил, завтра хоть из-под земли достань. Это тебе в наказание.
– За песню?
– За то, что много выдумываешь.
– Ой-бай, сколько лет учился, а не знаешь, что каждая песня – выдумка!..
Луговой протянул Карего плетью и поскакал вперед.
– Мал-мал потише, товарищ!.. – донеслось вслед.
Будто красная птица выпорхнула из-за бархана, взмахнув дымчатыми крыльями. Костер!
Вот и палатки, вот и Люба Малинина бежит впереди всех.
– Борис Викторович, как успехи? – кричит она.
– Самит, пирамида бар?¹ – спрашивает Кумар.
– Жаксы бик?² – еще кто-то кричит.
Молчит Луговой, Самит щелкает языком.
– Джок, курдюм джок... Бик джаман³.
Малинина опускает плечи, рабочие отходят к костру.
Кумар, принимая от Лугового лошадь, заглядывает ему в лицо и, увидев веселый блеск его глаз, кричит:
– Есть пирамида, есть! Самит ничего не знает!..
Люба захлопала в ладоши.
– Завтра выезжаем. С утра!..
Это команда строителям.
Луговой прошел в свою палатку, снял с себя пропахшую лошадиным потом одежду и стал умываться.
– Люба, полей мне, – попросил он, протягивая ей чайник. – А то мне не хватит не только чайника, но и целой бочки.
– В качестве поощрения можем выделить вам второй чайник воды.
– Хорошее место? – спросила Малинина, нерешительно подходя к Луговому. – Пирамида нужна высокая?
Он стоял перед ней в плавках, будто отлитый из бронзы. Сверкали только глаза и губы. И она смотрела на него снизу вверх, хотя и была достаточно высока.
– Все отлично... Я даже не ждал. Треугольник... Да ты сама посмотришь. Вот только умоюсь. И впереди на нужном азимуте бархан какой! Словом, нам пока везет, Люба...
Тоненькой струйкой она лила ему воду в глубокий ковш ладоней, видела, как с малейшим движением у него на плечах бугрятся мышцы. Люба вдруг почувствовала желание прикоснуться к ним, это желание смутило ее и сделало сумасшедшей.
– Нагнитесь, я смою вам со спины, – проговорила она, протягивая руку.
И, не ожидая его согласия, Люба начала лить на спину и тереть ее горячей, шершавой ладонью.
– Возьми мыло! – сказал он, прогибаясь от боли: под ладонью Любы катался песок.
Люба не уложилась в норму, ей дважды пришлось набирать воду из бочонка.
– Придется объясняться Самиту. Он не простит такой расточительности, – сказал Луговой, растирая себя полотенцем. – Ну, будем пить чай!
Словно очнувшись, Люба бросилась к костру.
– Любаш-кыз, смотри, у нас гость! – услышала она вдруг голос Самита.
Навстречу ей шел человек, высоко взмахивая камчой. Она не сразу узнала в нем Виднова. И только когда его лицо осветилось пламенем костра, Люба протянула руку. Поздоровавшись

¹ Бар – есть (казах.).

² Жаксы бик – хороший бугор (казах.).

³ Джок, курдюм джок... Бик джаман – Нет, не видно. Бугор плохой (казах.).

с ним, она тут же вспомнила базу, палатки на берегу озера, Валентину Шелк, с которой он уходил в степь. И этот человек стал ей неприятен.

Приезд Виднова не обрадовал и Лугового. Прошедший день вымотал его здорово, он надеялся выпить наскоро чашку чая и завалиться спать.

– Я к вам по пути, собственно говоря, – произнес Виднов. – Еду из совхоза. Увидел огонь – и вот я у вас!

– Из совхоза?! – воскликнул Луговой, преображаясь. – Пожалуйте, как раз к чаю...

Люба была удивлена мгновенной переменой, происшедшей в Луговом на ее глазах. Куда девалась усталость, как быстро растаял холодный тон, с которым он поздоровался с Видновым. И все решили два слова: «Из совхоза»! Что стояло за ними, – Люба знала.

Луговой и Виднов уселись на кошке перед костром, Малинина взяла на себя обязанности хозяйки.

– Как ваша поездка в совхоз, успешна? – спросил Луговой.

– Пожалуй, да. Правда, я не захватил директора совхоза, он укатил на пленум. Но мне помогли договориться с заместителем. А то было – ни в какую. Короче говоря, рабочих мне выделяют.

– Кто же вам помог? – удивился Луговой.

– Меденцева! Я не предполагал, что ее вмешательство окажется столь эффективным. Налицо авторитет, ничего не скажешь...

– Как она устроилась? – спросил Луговой, отворачиваясь от Любы.

– О! Нам с вами так не удастся. Я видел верблюдов, которых ей выделили: локомотивы! А сама ездит на молодой кобылице. Картинка!

Люба молча поставила чашки, чайник, положила лепешку, консервы.

– Может быть, перед чаем пропустим по маленькой? – предложил Виднов, подтягивая к себе большую сумку, отвязанную с седла. Он вытащил из нее бутылку водки и поставил среди чашек.

– В совхозе взял...

Люба запротестовала:

– Это лишнее. Мы приняли обязательство не пить на работе.

Виднов расхохотался.

– Какое там обязательство, Любочка! Бумага все стерпит... Мы в честь нашей встречи...

– Борис Викторович! – Люба с мольбой и надеждой посмотрела на Лугового.

Виднов продолжал уговаривать:

– Есть случаи, когда без рюмки, как без языка...

– Мы не предусматривали никаких случаев, – отрезала Малинина.

– Тем более. Нет правил без исключения. Как вы думаете, Борис Викторович?

Луговой опять промолчал. Любе стало обидно уже не оттого, что Виднов не послушал ее и ловкими ударами ладони в дно бутылки вышибал пробку, а оттого, что ее не поддержал Луговой.

«Это все из-за Меденцевой», – подумала она и отвернулась, чтобы не видеть, как Виднов разливает водку по чашкам, поднимая бутылку на свет и прицеливаясь на нее взглядом.

– Ну, за встречу! – провозгласил Виднов и, выпив, страдальчески сморщился, стал нюхать хлеб, теряя крошки на рыжую и тощую, как у семинариста, бороду.

«Как это все гадко!» – подумала Люба и ушла к себе в палатку.

Луговой ее не остановил.

– Хороша помощница! – воскликнул Виднов, глазами провожая Любу.

– Я доволен.

– Еще бы! У тебя не плохой вкус. Уж ты поверь: я их видел-перевидел. А эта через годок Меденцевой не уступит. Смотри-ка, наливается как! В Жаксы-Тау была совсем девчонка, а тут...

– Виднов, оставьте... Не надо.

– Я же не... я правду говорю. Как ты думаешь?

Виднов быстро хмелел. С лица его уже не сходила улыбка, глаза покраснели, язык заплетался.

«Неужели и я таков?» – испугался Луговой. Он уже почувствовал головокружение и шум в голове. Ему вдруг захотелось смеяться. Но тут же вспомнилась Меденцева, и он посуровел. Все-таки прямо спросить о ней было для него тяжело.

– Значит, не видел директора? – пошел в обход Луговой.

– Нет.

– Он живет на центральной усадьбе?

– Где же ему еще жить? Там и Меденцева поселилась. У директора, брат ты мой, несчастье: жеребец жену его копытом кокнул. Зоотехником была.

– Значит, вдовец? – спросил Луговой, сразу трезвея.

– Выходит, так. Дочка у него, еще – мать. Вот и вся семья. Без бабы живет. Ну, будто бы под твою Меденцеву казанки подбивает. Допьем?

– Наливай!

– Правильно. Пей до дна, еще есть одна...

Люба, слышавшая весь этот разговор, не выдержала и, подбежав к Луговому, из-за его плеча схватила чашку, выплеснула водку.

– Оставьте нас, Люба, – сердито проговорил Луговой. – Пить больше не будем.

Люба, опустив голову, пошла к палатке рабочих.

– Вот как, – промышчал Виднов. – Не везет мне сегодня. В совхозе Меденцева отчитала, здесь эта... Эх, Вальки Шелк нет! Забрались бы мы с нею под куст, как зайцы...

Луговой перебил:

– За что отчитала Меденцева?

– А-а! Пустяки... Да что ты все на Меденцеву разговор клонишь? Ну ее к черту! Жива, здорова. Ну и красива, как бес. Таких я не видел еще. Но ты выбрось ее из головы. У нее, брат ты мой, директор ночует, Дубков. Понял?

Все поплыло перед глазами Лугового, перевернулось.

– Не может быть! Ты врешь! – крикнул он и еле сдержал себя, чтобы не ударить Виднова.

– Честное пионерское! Из верных источников и примет. Бутылочки из-под коньяка сам видел под кроватью. Уж насчет этого меня не проведешь...

– А если это клевета? – Луговой вскочил и двинулся на Виднова.

– А если, а если... Да ты поезжай к ней в гости. Может, она сама тебе скажет.

Когда через полчаса Люба вернулась к костру, Виднов уже укладывался на кошме.

– Укрой-ка меня, трезвенница, укрой... Холодно, черт! Замерзну... А завтра координаты мне дашь...

– Какие координаты? – спросила Люба.

– Тех пунктов, которые я должен занивелировать.

Он едва выговорил это длинное слово и сплюнул.

– Посмотрим, – неопределенно ответила Люба и пошла за постелью.

Вернувшись, застала Виднова уже спящим. Подсовывая ему под голову свою подушку, Люба выругалась:

– Стиляга чертов. Алкоголик...

И вдруг заплакала от какой-то смутной обиды, не относящейся ни к кому. Все люди сейчас ей казались не такими, какими они могли и должны были быть.

Смотри на мои пирамиды

– Батенька мой, три месяца как не бывало! Три месяца! А кажется, что только вчера мы с вами отбирали верблюдов в совхозе. Помните, с чабаном ругались? – говорил Санкевич, трясая загорелую дочерна и огрубелую руку Лугового.

– Как же, помню, Валериан Иванович! А потом у чабана кумыс пили, холодный-холодный, – отвечал в тон Санкевичу Луговой.

– Да, да... Будто вчера мы искали Меденцеву! Кстати, ее так вы и не увидели?.. Жаль... Быстро летят дни, молодой человек. Оч-чень быстро...

Санкевич выдохнул воздух, посмотрел вдаль, прищулив глаза. Лицо его погрузнело, но, опять взглянув на Лугового, он повеселел, заулыбался.

– А вы будто еще вытянулись, батенька мой. Метра два есть?

– Что вы! Всего один восемьдесят пять.

– Мало ли! И в плечах – косая сажень, как говорили в добрую старину. Посади вас на коня да копьё с мечом дай в руки – Илья Муромец!

Санкевич хлопнул Лугового по крутому плечу, толкнул от себя.

– Нет, право же Илья Муромец!

Они стояли на полынистом бархане, возле только что поставленной пирамиды, эти два человека, почувствовавшие симпатию друг к другу с первого дня знакомства. Во все стороны от них простиралась бугристая степь, с кустами краснотала, с золотистыми плешинами песка, то гладкого, то подернутого на взлобках гофрировкой ряби.

– Сколько кормов пропадает! – воскликнул Санкевич, глядя на пестрое, зеленое море. – Воды бы сюда скорее. Тогда Дубков воспрянул бы. Он, знаете, нравится мне. Государственный ум у этого человека.

– Да... Совхоз начал строить на лиманах кошары, – поспешил сказать Луговой.

– А вода?

– Кое-где выбурили. Для небольших отар достаточно. Ведь и раньше здесь содержали скот вблизи худуков.

– Вы знакомы с Дубковым?

– Виделись... – ответил Луговой и тут же начал рассказывать об особенностях рекогносцировки в этой бугристой степи...

А вечером они сидели на кошме и пили крепкий чай, какой можно пить только в степи, после жаркого дня. Как всегда, вокруг было тихо. И в этой тишине отчетливо слышалось дыхание верблюдов, улегшихся перезреть недалеко за кустами. Позвякивали кольца уздечки, фыркала лошадь, да совсем рядом стрекотал кузнечик.

Санкевич рассказал, как идут дела в экспедиции. Нечего было и думать, что отряды закончат работу до наступления холодов. Вот только разве нивелировщик Виднов. Он идет с двойным перевыполнением нормы.

Луговой вспомнил приезд Виднова и рассказал о нем Санкевичу. До сего времени Борис не мог избавиться от отвращения к этому человеку. Бывают же люди, неприятны к которым появляется с первым знакомством. И Луговой не прощал себе того, что против воли и желания пил с ним водку.

– Мне кажется, что работает он нечистоплотно, – вдруг проговорил Санкевич, будто читая мысли Лугового.

– Большие невязки?

– Нет, невязки у него хороши. Даже слишком! – Санкевич помедлил, будто не решаясь сказать прямо. – Мне кажется, что обратный ход он не делал, а просто вычислил, сообразуясь с прямым.

- Но ведь это...
- Да! – перебил Санкевич, не желая, чтобы было произнесено это страшное слово. – Но доказательства?..
- Опросить рабочих. Они скажут, проходили обратно или нет.
- А если проходили?.. В какое положение мы поставим себя и Виднова!
- Значит, вы не убеждены?
- Не совсем. Мне показались подозрительны его журналы обратного хода.
- Слишком чисты?
- Да, будто писаны не под солнцем, не на ветру...
- Может быть, он так аккуратен?
- Да, видимо, действительно аккуратно работает. – Санкевич усмехнулся. – Вот так, уважаемый Илья Муромец, вот так... А что же вы не спросите о Меденцевой?
- Да, да... Как у нее? – Луговой покраснел.
- Твердо идет Ниночка. Молодец. Закончила постройку, наблюдения развернула. Следовательно, вам придется привязываться к ее пунктам. Проект привязки разработаем здесь.
- Но у меня нет никаких данных...
- Санкевич поднял руку.
- Не только данные будут, но и сама Меденцева...
- Она приедет сюда? – переспросил Луговой. Лицо его вспыхнуло.
- Да, завтра или послезавтра. Я вызвал ее. И Валентину Шелк. Вам и с нею нужно увязываться. К сожалению, у нее дело вовсе не идет. Я не знаю, что делать. Придется пробыть у нее подольше, помочь. Так что готовьтесь, Илья Муромец, к встрече наших красавиц... А что же я не вижу Малинину?
- Вы увидите ее завтра...
- Скажите, какой это счастливый день – завтра!
- Малинина возвращается с Жаксы-Тау. Ездила за продуктами.
- Разве некого было послать?.. Не жалеете вы свою Любушку.
- У нее дела в поселке. Купить что-то хочет. Деньги матери перевести...
- Ах, вот как!.. Ну, а как работает?
- Чудесно, Валерьян Иванович. Строители борются за звание отряда коммунистического труда. Признаюсь, моей заслуги здесь мало. Все Малинина. Да еще Самит – ее правая рука. Часто они обгоняют меня. Малинина уезжает вперед и выставляет вехи. Наши роли меняются: она становится рекогносцировщиком, я – строителем. А то берет в свои руки инициативу Самит...
- Вам чертовски везет, Илья Муромец!.. А вот если со стороны посмотреть, то будто ничто вас не радует. С чего бы это?..
- Костерик, возле которого они сидели, едва тлел. Тонкие еще не обуглившиеся прутья краснотала, над которыми висел чайник, лежали у ног золотистой грудкой.
- Луговой не ответил и стал пододвигать под чайник угли. Санкевич знал, что у Лугового разлад с Меденцевой. Любовь, любовь! Что вкладывают люди в это слово, что оно значит?.. Колодец любви открыт для всех, а вот зачерпнуть из него удастся не каждому.
- Давайте-ка спать, дорогой Илья Муромец. Утро вечера мудренее.
- Санкевич встал, потянулся, поглядел на небо.
- В палатку не пойдем. Пусть на нас светят звезды...
- Да, пожалуй, – согласился Луговой и тоже встал. – Вы не будете против, если утром я часа на два уеду? Мне нужно закончить рекогносцировку пункта, чтобы не задерживать строителей. Тут недалеко. И я не задержусь.

Еще не рассветало, а Луговой уже был на ногах. Он встал и оделся, стараясь не разбудить Санкевича. Пусть поспит старикан! Умывшись на скорую руку, Луговой съел, не разогревая, банку мясных консервов, запил тепловатой, не остывшей за ночь, водой и пошел к Самиту, седлавшему Карего. Верблюды уже были навьючены.

– Нам нужно торопиться, Самит, – шепнул Луговой. – Не отставай.

– Зачем отставать? – обиделся Самит. – Я когда-нибудь отстал? Зря говоришь, товарищ!

Луговой взял направление по азимуту, заметил на небе звезду и повернул на нее иноходца.

– Поехали!

Предрассветная прохлада стояла между барханами. Поднялись отдохнувшие от зноя травы, распрямились листья. Карий на ходу схватывал верхушки кияка, гремел удилами. Буйная растительность покрывала пески, и Луговой в который уже раз удивлялся обилию кормов, пропадающих впустую. А ведь когда-то здесь бродили стада. Пожалуй, этот Дубков прав, называя Джаман-Кум золотыми песками. И они такими станут – и, конечно, скоро. Уже начались земляные работы на трассе канала. Правда, пока еще далеко, где-то возле поселка. Да, Дубков может торжествовать... Пусть. Впрочем, об этом не нужно думать...

– Зачем туда-сюда идешь? – кричит позади Самит. – Прямо держи, товарищ!..

Луговой останавливается, сверяет направление и снова торопит Карего...

На бархан приехали, когда уже показалось солнце. Луговой поставил теодолит, взял азимуты на последние пункты, наложил на схему. Треугольники получились хорошими.

– Здесь строим пирамиду, – радостно сказал он.

– Как назовем? – спросил Самит, щуря глаза.

– Любаш-кыз...

Самит рассмеялся.

– Шутишь, товарищ... Наверное, Кара-бархан.

– Да, ничего не поделаешь.

– Плохой ты мулла, товарищ. Совсем...

– Вот еще посмотрим вперед. Еще один пункт – и мы должны видеть пирамиды Меденцевой. Будем привязываться к ним.

– Зачем привязываться? Меденцев джаман девчат...

– Джаман, говоришь?.. – Луговой, ведя трубку по горизонту, вдруг увидел на высоком бархане вежу.

– Откуда такая? – Он повернул к Самиту встревоженное лицо. – Ты видишь? Вон на черном бархане!..

Самит сделал ладонью козырек, прищурился, вглядываясь в том направлении, куда указывала труба теодолита.

– Веха, товарищ. Самый настоящий. Кто ставил?

– Кто же? Наверное, Меденцева... А это значит, что-то не так. Там должен быть наш пункт, понимаешь, Самит? Кто-то из нас идет с ошибкой... Ничего не пойму. Неужели мы начали с ошибкой на целую сторону треугольника?..

Луговой торопливо достал схему, журналы рекогносцировки. Начал проверять углы, накладку. Пункты ложились по старым точкам. И местность, если сравнивать с картой, как будто была та. Местность! Барханы да тальник, хотя бы один ориентир. Даже ни одной мулушки не сохранилось. И названий их никто не помнил. Черт знает откуда их списали. Может быть, с карт времен Пржевальского. Кара-бархан! А может быть, Кызыл-бархан? Они как два родных брата, а между ними километров пятнадцать.

Луговой снова посмотрел на вежу, и снова у него заныло сердце.

– Нужно съездить к ней, – проговорил Луговой.

– Верст двенадцать, товарищ! – испугался Самит.

– Хотя бы сто! Нужно – и все... Впрочем, ты поезжай на стан. Скажешь Санкевичу, что задержался.

– Вместе выехали, вместе и приезжать. Что я стану говорить?

Спорить с Самитом было бесполезно. Он отличался упрямством.

Через несколько минут они были на пути к загадочной вехе. И лошадь, и верблюд, почувствовав новый перегон в противоположную от стана сторону, шли неохотно. Карий все сбивал влево, к стану, а верблюд кричал протестующе и жалобно.

Луговой почувствовал голод.

– Самит, у нас ничего нет перекусить?

– Только баурсак.

– Угощай.

– Ага, а сам велел ничего не брать! Нельзя слушать тебя, товарищ!

Самит запустил руку в промасленный мешочек и вытащил горсть темных, испеченных на бараньем сале мучных шариков.

– Спасибо, Самит.

И опять путь-дорога. И опять мысли, мысли. Опять сомнения и тревога. Вот если еще веха – пункт Меденцевой! Значит, ошибка у него. Сдвиг на целую сторону. Конечно, он отошел не от проектной точки, гораздо севернее. Проклятые барханы, на двадцать километров ни одного ориентира. Как близнецы! И почему ему никогда не приходило в голову проверить? Вот что значит нет опыта. А он заверил Славина, что справится, настоял у Кузина, чтобы тот дал ему этот ряд. И, собственно, чего ради? Из-за Меденцевой, говорило ему сердце. Но разум протестовал, было мучительно сознаться самому себе, что это было именно так. И Малинину втянул с собою, и Самита, и всех. Вот привезет он радостную весть Санкевичу. «А я вас еще Ильей Муромцем называл», – скажет и отведет по-женски большие, серые свои глаза с неуходящей печалью. А Кузин, Кузин! «Вот она, самонадеянность! Я же говорил, что не справитесь». И закроет, закроет носом. А Малинина ужаснется: «Что же теперь делать?..» Луговому казалось, что Люба поймет, должна понять, потому что она... Что она? Как беда, так... Сволочь ты, Луговой. Только теперь, в горький час, увидел то, мимо чего всегда проходил, старался не замечать. И вот теперь надеешься на Любино отзывчивое сердце. Да, она не осудит, придет на помощь, сделает все, что может, без ропота, без возмущения. Надо будет ночи работать – не сомкнет глаз... А вот отряд. Как отряду сказать, объяснить?

Веха все ближе, ближе. Все тяжелее дышит Карий. Все чаще опускается плеть на его впавшие, мокрые бока. В ушах Лугового звон. Дышать нечем. Лицо горит. Позади кто-то кричит. Ах, это Самит. Что ему нужно?

– Не гони так! Не гони так, товарищ!.. Упадет лошадь...

Луговой приходит в себя, опускает поводья. Карий переходит на шаг, с его боков спадают на песок хлопья пены...

К вехе подъехали вместе. Поднялись на бархан. Не слезая с седла, Луговой прочел на свежем затесе

«Н. Меденцева».

– Ее пункт! – прошептал он. Перед глазами поплыли красные круги, они захватили веху и перевернули ее вершиной вниз. И вместе с вехой очень легко перевернулись бархан, Самит и сам Луговой. А затем круги разбежались, и аспидно-черная темь проглотила все...

Когда Луговой открыл глаза, то увидел над собой испуганное лицо Самита и ветки краснотала. И сразу почувствовал, что голова, грудь и лицо его мокры.

– Зачем падаешь, товарищ? – услышал он голос Самита. – Зачем чуть не помирал? Хорошо, рядом худук нашел, воды брал... Выпей-ка!..

Самит поднес к губам теплую флягу. И вода была теплая, с запахом прелого дерева. Но вместе с глотком влаги к Луговому вернулась ясность сознания, и он как-то сразу понял, почему он лежит под кустом краснотала, отчего так сильно стучит в висках.

– Во-от, не слушал... Все скакал... Куда торопился, товарищ? Теперь лежи!

Но лежать Луговой не мог. Пересиливая дрожь и слабость во всем теле, Луговой приподнял налитую свинцом голову и встал на ноги.

– Поддержи, Самит... Черт возьми, не думал, что меня может свалить так...

Опираясь на плечо Самита, он подошел к вехе и снова прочел на ней фамилию Меденцевой. Да, это был ее пункт. И фамилия, и сама Меденцева, и ее веха стали вдруг для Лугового ненавистными.

– Самит, посмотри, может быть, есть записка...

Присев на колени, Самит стал разрывать песок возле основания вехи и вскоре вытащил банку из-под консервов. Отвернув крышку, он достал сложенный в пакетик листок бумаги.

Луговой развернул и сразу узнал почерк Меденцевой.

«Здравствуй, Борис! – писала она. – Увидя этот бархан, я приказала выставить на нем веху. Кажется, здесь будет лучшее место для твоего пункта. Если так, то наши ряды увязываются прекрасно. Смотри на мои пирамиды по азимутам: 5 35°; и 36 45°;.. Нина».

– Самит, скорее, теодолит. Скорее! – почти закричал он. – Это веха – для нас! Меденцева выставила! Понимаешь, Самит!..

– Зачем кричишь, товарищ? Что я, глухой?..

Не дожидаясь, пока успокоятся уровни, Луговой повернул трубу по первому азимуту и сразу же увидел в трубе пирамиду Меденцевой – зыбкие в мареве очертания. Повернул по второму – и снова в трубе пирамида! Трясущимися руками он наложил азимуты на схему и закричал снова:

– Самит, здесь строим пункт! Здесь!..

– Совсем шальной стал, товарищ, – проговорил Самит, но радость передалась и ему: он понял, что веха означала что-то большое и, может быть, недоступное для него, вначале повергшее Лугового в отчаяние, а теперь в радость. Да, Луговой посветлел. Все его сомнения, все его отчаяние теперь казались уже смешными. И как это он мог потерять веру в себя? Все в порядке, товарищ Кузин! Вам не придется меня укорять. Ни в чем. И тебе, Люба, не придется из-за меня недосыпать ночей. Никто не лишит твоего отряда звания коллектива коммунистического труда. Все в порядке, Самит!

Уже казалось невероятным, что час тому назад он поддался отчаянию. Да только ради того, чтобы стоять вот так на бархане под голубоватым предвечерним небом и дышать настоящим разнотравьем, брать отсчеты по азимутам и видеть в трубу перевернутые вершинами вниз кусты и сознавать, что ты делаешь что-то полезное людям, – только ради этого можно одолеть самое тяжелое горе, перенести все невзгоды, забыть обиды. На то ты и человек!

Закончив наблюдения и записи, Луговой еще раз прочел записку Меденцевой. И только теперь увидел, что в ней не было ни единого теплого слова к нему. Писал далекий, чужой человек, которому нечего было сообщить, кроме обязательных азимутов.

Он сложил листок, разорвал. Мелкие клочки бумаги полетели по ветру, как живые. Луговой стал снимать теодолит.

– Конец, Самит.

– Очень хорошо, товарищ. Давно пора кончай!

– А если не кончается?

– Тогда вот так надо... – Самит рубанул ладонью перед собою.

– Ты о чем?

– А ты о чем?.. Ой-бай, два пункта в один день делал, а не рад. Вот о чем!
«Хитрый, черт», – сказал про себя Луговой.

Усталые, голодные, они возвращались на стан...

Еще не видя своих палаток, стоявших за барханом, Луговой по встревоженным голосам, донесшимся со стана, догадался, что кто-то приехал. «Наверное, Меденцева», – подумал он и с мыслями о ней, со страстным желанием увидеть ее поднялся на последний бархан и увидел возле палаток незнакомых людей. От них отделился Санкевич и, подняв над собой руки, пошел навстречу к Луговому.

– Несчастье, Борис Викторович! Валентину Шелк укусила змея...

Встречи и проводы

Всадники вскоре затерялись между бархан, но крики верблюдов и погонщиков еще долго доносились до Санкевича. Он стоял на бархане и смотрел в сторону Песчаного – поселка противочумной станции, стараясь представить себе весь путь, который проделает Луговой с больной Шелк на руках. Выдержит ли сам? Не отравится ли он, высасывая из ранки кровь?

Санкевич чувствовал себя прескверно – мучала совесть. Ведь он даже не попытался поехать с Луговым, чтобы помочь в пути. Но пятьдесят лет – это не двадцать пять. И сердце покалывает и перебивает, и одышка бьет по ногам при малейшей нагрузке. Куда ему взять на руки Шелк! А там, в Песчаном, обойдутся без него тем более. Хотя все это было очевидным, но Санкевич не мог успокоиться и еще долго топтался на бархане, как старый беркут с подбитым крылом.

Время свернуло с полудня. С пестрого разлива степи сошли миражи, ветер развеял марево. Воздух становился настолько прозрачным, что и невооруженным глазом можно было рассмотреть ближайшие пирамиды на вершинах самых высоких барханов. Вот-вот должна была установиться видимость. Санкевич распрямился, поднял голову. Стать бы возле теодолита и, не отходя до конца видимости, отсчитывать по лимбу углы, сверять невязки с допусками и всякий раз чувствовать щемящую радость удовлетворенности собой, инструментом, погодой, тем, что сумел простоять в напряжении и не потерял ни одной минуты ценного для наблюдения времени. Сколько таких счастливых минут было в жизни Санкевича! Сколько было взято отсчетов, каких только не замерено углов! На каких землях и где только не стоял Санкевич и не шурился, глядя в окуляр универсала!.. Кому только, на какие стройки не сдавал планшетов!.. Он никогда не щадил себя и любил людей, сполна отдающихся делу. И с этой неизменной и давнишней своей меркой подходил и к оценке людей своей экспедиции.

Санкевич не мог представить себе, чем окончится этот нелепый случай с Валентиной Шелк. Но он уже не сомневался, что она надолго вышла из строя, что продвижение ее отряда под большой угрозой.

Вернувшись к палатке, он взял привезенные Шелк материалы, раскрыл схему, журналы. Прикинул, сколько сделано ею, и свистнул: даже пол нормы не было. Поэтому-то Луговой и не видел ни пирамид, ни вешек Валентины. Санкевич нанес на схему отрекогносцированные пункты, сделал проект привязки к ряду Лугового и остался доволен: только бы выдержать так. Но сумеет ли Шелк? И когда?.. И опять неотвратимость зимних работ испугала Санкевича. Придется расплачиваться неделями непогоды за каждый летний день, упущенный безрезультатно.

Покончив с журналами Шелк, Санкевич принялся теперь за материалы Лугового. У него было достаточно времени до полных сумерек, чтобы разобраться с работой отряда Лугового. Да он уже и горел нетерпением узнать, что сделал этот Илья Муромец и как. И когда подсчеты были завершены, Санкевич не поверил результатам: триста процентов! Он присократил время на организационный период, снизил коэффициент на трудность рельефа (барханы, в километре – уже горизонт), повысил норму Малининой и опять – двести сорок! Это был самый высокий процент выработки в экспедиции. А качество? Что же!.. Он не знал, к чему можно придаться. Санкевич улыбнулся. Ему доставит удовольствие доложить Кузину о работе Лугового и Малининой. Он ведь был недоволен их приездом, чуть не откомандировал обратно. А теперь, пожалуй, придется ему писать приказ о награждении. А как же! Нужно добиться. Особенно для Малининой. По всему видно, что девчонка выросла в недостатке. Второй оклад ей будет вовсе не лишним. Кузин, нужно полагать, упрямитесь не станет, в целом по экспедиции норма перевыполнена. Впрочем, если не брать под сомнение ход нивелировки Виднова, то...

А может быть, промолчать про эти журналы и не портить настроение Кузину? Ведь у него только подозрения.

К молодежи Санкевич всегда был равнодушен, он слишком близко к сердцу принимал их удачи и промахи. Вот эта Шелк. Санкевич взял схему и еще раз сердито посмотрел на небрежно вычерченные треугольники. Разве в них было заложено хоть сколько-нибудь любви к делу?.. А ведь эта девушка не глупа и могла быть красивой не только внешне. Но она будто нарочно мазала дегтем свою душу. Ее поведение в поселке не было примерным. Гибкая и тонкая, она по вечерам вытанцовывала с Видновым какой-то скверный танец, и рабочие, глядя на них, удивленно покачивали головами: «Ой-бай, кто научил?»

Санкевич отложил в сторону схему, распрямил уставшую спину и тут увидел Малинину, спускающуюся на лошади с бархана. Она ловко и непринужденно сидела на небольшой, упитанной кобылице. В одной руке держала повод, в другой – камчу.

Пружинисто прыгнув на землю, Малинина подвела лошадь к коновязи, отпустила подпруги и пошла навстречу Санкевичу, приветливая и сияющая. Он в радостном порыве схватил ее за руки, притянул к себе.

– Здравствуйте, волшебница! Здравствуйте!

– Почему же волшебница? – Люба рассмеялась. Она сняла с головы соломенную шляпу, обнажив коротко подстриженные с каштановым отливом волосы. – Самые прозаические дела совершаем: строим, наблюдаем, измеряем.

– Прозаические-то, прозаические, а вот куда косу дела?

– А-а! За это мне уже досталось...

– От Лугового?

Люба взглянула в глаза Санкевичу и вдруг спросила:

– Что случилось, Валерьян Иванович?.. и где Луговой?

Санкевичу пришлось рассказать о происшествии с Шелк, но о том, что Луговой высасывал из ранки кровь, он не решался сказать.

– Как жаль, что я свернула с дороги! Ведь мы встретились бы! А теперь...

Она не сказала, что теперь, но Санкевич видел, что она встревожена и озабочена.

– А где же ваши люди?

– Скоро придут. Я обогнала их. Верблюды еле тащатся. Мы так нагрузили их: и продуктами, и материалами.

– Кузина видели?

– Да, уже ждет вас. Просил не задерживаться... И в Песчаном была, ночевали там.

– Это хорошо, что делали там привал... А знаете, Люба, я ведь не сказал вам всего: Луговой высосал кровь. Он мог...

– Что вы говорите!.. Валерьян Иванович, милый, отпустите меня. Завтра я прискачу. Может быть, ему плохо... Я должна знать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.